

Еще болѣе высокій, еще болѣе прогрессивный типъ, чѣмъ анархическія формы производства, представляютъ тѣ отношенія, которыя мы назовемъ *синтетическими*. Сущность ихъ сводится къ тому, что трудовая система организована, но безъ раздѣленія организаторовъ и исполнителей. Представимъ себѣ тѣсно сплоченную группу людей, однороднаго высокоразвитаго психическаго типа; между ними нѣтъ ни вождей, ни толпы, но все они сообща обсуждаютъ и рѣшаютъ свои дѣла, и сообща выполняютъ рѣшенія; каждый является организаторомъ, когда участвуетъ своимъ мнѣніемъ и голосомъ въ выработку общей воли, исполнителемъ, когда участвуетъ своими дѣйствіями въ осуществленіи этой воли. Такимъ образомъ, и дѣятельность организаторская, и дѣятельность исполнительская въ равной мѣрѣ принадлежатъ данной личности; а въ своемъ цѣломъ, во всей полнотѣ та и другая реализуются только въ жизни всей группы. Этотъ типъ трудовыхъ отношеній развивается по преимуществу въ послѣднія историческія эпохи, и выступаетъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ такъ называемыхъ демократическихъ организаціяхъ.

Синтетическій типъ трудовыхъ отношеній обладаетъ основнымъ преимуществомъ авторитарнаго — организованностью, не страдая его недостаткомъ — узостью индивидуальной психики (особенно исполнительской, массовой). Въ то же время онъ прогрессивнѣе еще въ большей степени, чѣмъ типъ анархическій, причемъ эта прогрессивность не покупается цѣной внутренней борьбы и противорѣчій. Здѣсь прогрессивность основывается на широкомъ, непрерывномъ общеніи многихъ человѣческихъ личностей, которыя, хотя и однородны по высотѣ психическаго типа, но различаются, конечно, по жизненному матеріалу, такъ что въ своемъ взаимномъ приспособленіи онѣ непрерывно обогащаютъ психику другъ друга новыми элементами. Вслѣдствіе этого синтетическія трудовыя отношенія создаютъ тѣмъ болѣе прогрессивную психологию, чѣмъ шире ихъ кругъ; какой-нибудь узкій товарищескій кружокъ, построенный по этому типу, легко застываетъ въ неподвижномъ консер-

ватизмъ сложившейся формы, въ самодовольствѣ, лѣни и догматизмѣ; маленькія коммуны, которыя основывались утопистами, тоже оказывались обыкновенно неспособными къ продолжительному развитію, наоборотъ, широкая демократически организованная партія, а тѣмъ болѣе цѣлое синтетически-организованное общество въ разнообразіи своихъ коллективныхъ переживаній не можетъ не почерпать непрерывно новыхъ и новыхъ стимуловъ движенія впередъ.

«Добровольное подчиненіе» массы идеологамъ, такъ же какъ и добровольное служеніе идеологовъ массѣ, отличаются отъ простыхъ авторитарныхъ отношеній именно тѣмъ, что въ нихъ входитъ много элементовъ синтетическаго сотрудничества. Человѣкъ массы и обсуждаетъ и рѣшаетъ, въ какихъ предѣлахъ онъ слѣдуетъ за идеологомъ; онъ «исполняетъ» его организаторскія указанія постольку, поскольку они выражаютъ его самого, человѣка массы, стремленія и желанія; онъ разными путями самъ указываетъ идеологу, что долженъ ему давать этотъ послѣдній; онъ не только *подчиняется* идеологу, но до известной степени и *подчиняетъ* его себѣ. И чѣмъ больше въ этихъ отношеніяхъ синтетическихъ элементовъ, чѣмъ живѣе общеніе идеологовъ съ ихъ послѣдователями, чѣмъ болѣе товарищескій характеръ пріобрѣтаетъ ихъ взаимная связь, тѣмъ прогрессивнѣе психологія обѣихъ сторонъ, тѣмъ жизненинѣ ихъ дѣло. Наоборотъ, чѣмъ больше выступаетъ на первый планъ слѣпое подчиненіе, чѣмъ выше поднимается идеологъ надъ массою, чѣмъ менѣе она можетъ вліять на его организаторскую работу, тѣмъ неизбѣжнѣ ихъ общая жизнь замираетъ въ стихійномъ консерватизмѣ. Такъ было въ очень многихъ движеніяхъ, отлившихся въ религіозно-сектанскую форму, съ ея неизбѣжнымъ преобладаніемъ авторитарныхъ элементовъ.

IV.

Мы обрисовали авторитарный типъ трудовыхъ отношеній между людьми, и сопоставили его съ иными типами, стоящими ниже и выше его въ смыслѣ прогрессивности. Но при этомъ

мы имѣли дѣло, въ сущности, не съ конкретными, реальными фактами, а съ ихъ познавательными характеристиками, болѣе или менѣе отвлеченными. Въ самой дѣйствительности не существуетъ типовъ, ихъ создаетъ познаніе, чтобы разобраться въ явленіяхъ. Чистыхъ авторитарныхъ формъ, вѣроятно, нигдѣ не бываетъ: въ жизни всякаго исторически-даннаго общества неразрывно сплетаются всѣ типы трудовыхъ отношеній, образуя непрерывную цѣпь переходовъ, оттѣнковъ, сочетаній. Жизнь безконечно-сложна, и всякое явленіе носитъ на себѣ слѣды всѣхъ предшествующихъ фактовъ мірового процесса. Какъ выдѣлить изъ этой сплошной хаотической массы тѣ элементы, которые мы хотимъ изслѣдовать, во всемъ ихъ специфическомъ своеобразіи?

Тутъ намъ должна помочь сила абстракціи. Посредствомъ выработанныхъ ею опредѣленій мы можемъ обособить изъ конкретности явленій то, что намъ требуется; при этомъ опредѣленія играютъ роль какъ бы рамокъ, или пустыхъ формъ, къ которымъ мы примѣриваемъ дѣйствительность, выбирая и удерживая то, что укладывается въ эти рамки или формы. Такъ, авторитарныя отношенія могутъ быть сведены къ слѣдующей абстрактной формулѣ: отношенія, въ которыхъ дѣйствія одного человѣка прямо опредѣляются выражаемой волею другого. Поскольку эта формула примѣнима къ тому или иному конкретному явленію, постольку мы относимъ эти явленія къ изслѣдуемому нами ряду, постольку дѣлаемъ ихъ основой своихъ обобщеній относительно этого ряда; поскольку въ явленіяхъ оказываются элементы, не подходящіе къ формулѣ, постольку мы стремимся выдѣлить и устранить изъ нашего анализа вліяніе этихъ элементовъ на общее теченіе процесса.

Конкретный примѣръ нѣсколько уяснить дѣло. Вы находитесь въ кругу своей семьи, гдѣ вы являетесь главой, и ваше желаніе для всѣхъ при обычныхъ условіяхъ равняется закону. Эта сторона вашей жизни укладывается, стало быть, въ рамки авторитарныхъ отношеній: вы организаторъ, всѣ остальные исполнители. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ваша жена рѣшается

возражать на ваши организаторскія указанія, и давать со своей стороны совѣты, какъ лучше поступить; ту же склонность обнаруживаютъ и ваши дѣти, по мѣрѣ того какъ подрастаютъ. Это—зародыши синтетическаго типа отношеній, типа, въ которомъ организаторъ и исполнитель непрерывно мѣняются ролями, и нѣтъ господъ и рабовъ, а есть товарищи. Требуется отчетливо обособить въ вашей психологіи съ одной стороны тѣ элементы, которые приспособляютъ васъ къ первому ряду отношеній, съ другой стороны—тѣ, которые возникаютъ на основѣ второго ряда. Но вы живете не только въ семьѣ, а также, положимъ, на службѣ. Тамъ вы подчиняетесь однимъ и управляете другими, словомъ—находитесь въ цѣпи авторитарныхъ отношеній; но ваше подчиненіе и ваша власть до извѣстной степени условны, они не переходятъ за рамки вашего договора съ нанимающей васъ бюрократической коллективностью. Здѣсь есть, хотя слабый, элементъ анархическихъ отношеній: поскольку отъ васъ самого зависитъ, служить или не служить, и гдѣ служить, и поскольку вы торгуетесь изъ-за вознагражденія, поскольку вашъ трудъ приобретаетъ оттѣнокъ формальной свободы, характерной для анархическаго типа. Надо опять-таки отчетливо разграничить ваши психическія приспособленія данной области—тѣ, которыя связаны съ однимъ, и тѣ, которыя связаны съ другимъ рядомъ вашихъ отношеній къ людямъ. Далѣе вы ведете, положимъ, коммерческія дѣла; въ нихъ васъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ атмосфера конкуренціи, отношенія анархическаго типа; но «условное подчиненіе» вашихъ приказчиковъ и агентовъ вноситъ сюда еще кое-какія приспособленія авторитарнаго характера; приходится изслѣдовать и раздѣлять обѣ группы фактовъ. Вы читаете книгу; во многомъ принимаете идеи ея автора—подчиняетесь ему;—во многихъ вещахъ вы становитесь въ рѣзкое противорѣчіе съ нимъ—это уже не общественно-трудовое отношеніе, не форма сотрудничества, а форма борьбы, проявленіе прямого антагонизма, порождающее опять-таки особые, специфическія приспособленія въ вашей психикѣ. Все это подлежитъ анализу.

V.

Очевидно, что авторитарныя отношенія могутъ существовать только при опредѣленныхъ психологическихъ условіяхъ только при наличности извѣстныхъ психическихъ приспособленій. Раздѣленіе организаторской и исполнительской дѣятельности было бы совершенно немислимо, если бы у организатора со стремленіемъ приказывать не соединялось неразрывно представленіе о томъ, что другія лица исполнять его приказанія, и если бы у исполнителей съ представленіемъ о приказаніяхъ организатора не соединялось также неразрывно стремленіе исполнять эти приказанія. Постоянная ассоціація психическихъ образовъ «приказанія» и «исполненія» есть совершенно необходимое приспособленіе всюду, гдѣ жизнь людей организована по авторитарному типу.

Пусть передъ нами общество, въ которомъ авторитарныя отношенія охватываютъ всю систему производства, такъ что, каждое общественно- трудовое дѣйствіе разлагается на активно-организаторскій и пассивно-исполнительскій элементы. Такимъ образомъ, цѣлая громадная область опыта—сфера непосредственнаго производства—неизбѣжно познается членами общества *по опредѣленному типу—по типу однородной двойственности*, въ которой постоянно сочетаются элементы организаторскіе и исполнительскіе. Поколѣніе за поколѣніемъ должна упрочиваться и становиться все болѣе неразрывною въ общественный психикѣ ассоціація идеи приказанія съ идеей подчиненія. И на этомъ дѣло не оканчивается.

Развитіе жизни совершается всюду въ такомъ направленіи, чтобы съ возможно меньшимъ количествомъ приспособленій достигалась возможно большая приспособленность. Это относится и къ общественной жизни, и къ общественному мышленію. Люди всегда стремятся познавать дѣйствительность въ однѣхъ и тѣхъ же или, по крайней мѣрѣ, въ однородныхъ формахъ; они всегда

склонны отдаленное представлять себѣ по типу близкаго, мало понятное по типу понятнаго, непривычное по типу привычнаго; всякое новое явленіе только тогда перестаетъ для нихъ быть загадкой, когда они убѣждаются, что оно «такое же», какъ нѣкоторые другія, знакомыя имъ явленія. Создавать для новыхъ фактовъ жизни совсѣмъ особыя, несходныя съ прежними приспособленія—это вообще тяжелая работа, особенно мучительная для грубой, мало подвижной психики низко-развитыхъ племенъ. То страданіе, съ которымъ связана эмоція «недоумѣнія», можетъ принимать здѣсь очень серьезные размѣры. Наоборотъ, когда удастся такъ связать прежде разъединенные и несходные ряды впечатлѣній, что они выступаютъ какъ взаимноподобные и однородные, тогда человѣкъ испытываетъ глубокое удовлетвореніе—чувство, въ которомъ выражается повышеніе жизнеспособности. Такое чувство испытываетъ каждый изъ насъ, напр., тогда, когда впервые узнаетъ, что движеніе планетъ и кометъ по ихъ орбитамъ есть явленіе, въ своей основѣ и во всѣхъ существенныхъ чертахъ, подобное движенію камня, брошеннаго нами, горизонтально или наклонно. Это относится вообще ко всякому *монистическому* шагу познанія, ко всякому акту мышленія, который вноситъ единство въ разнообразіе опыта. Уменьшается разрозненность элементовъ психики, возрастаетъ ея стройность и внутренняя гармонія, ея цѣлое становится болѣе организованнымъ, болѣе сплоченнымъ для жизненной борьбы. Таково значеніе *монистической тенденціи* въ психическомъ развитіи.

Въ сферѣ производственныхъ отношеній авторитарнаго общества, какъ мы видѣли, необходимо долженъ былъ сложиться опредѣленный способъ представленія фактовъ, опредѣленный типъ ихъ соединенія въ психикѣ, такой, который выражается въ неразрывной связи идеи акта организаторскаго съ идеей акта исполнительскаго. Но разъ такая форма мышленія сложилась и упрочилась, какъ необходимый элементъ строенія психики, то развитіе, ведущее къ однородности въ познаніи, къ познанію всей суммы фактовъ съ наименьшею суммой приспособленій, развитіе должно шагъ за шагомъ распространить эту форму на все

познаніе, *одѣлать ее всеобщей*. Человѣкъ привыкъ понимать свои трудовыя отношенія къ внѣшнему міру, какъ проявленіе активной, организующей воли, воздѣйствующей на пассивную, исполнительскую силу; и то же самое начинаетъ онъ находить во всякомъ явленіи. Онъ видитъ движеніе солнца, теченіе воды, слышитъ шелестъ листьевъ, ощущаетъ дождь и вѣтеръ,—и для него всего легче представлять все это такимъ же способомъ, какимъ представляетъ онъ свою общественно-трудовую жизнь: за внѣшнею силой, которая прямо дѣйствуетъ на него, онъ предполагаетъ личную волю, которая ее направляетъ; и хотя эта воля для него невидима, тѣмъ не менѣе она непосредственно достовѣрна, потому что безъ нея ему непонятно явленіе. Такъ возникаютъ «души вещей».

Ту же точку зрѣнія человѣкъ примѣняетъ и ко всякому человѣческому дѣйствію. Даже въ наиболѣе авторитарномъ построеніи обществъ многія дѣйствія людей выполняются ими помимо участія какой-либо внѣшней организаторской воли личные свои потребности человѣкъ удовлетворяетъ большею частью безъ чьего либо приказанія; да и въ общественномъ трудѣ исполнитель иногда бываетъ вынужденъ дѣйствовать самостоятельно. Тогда, въ силу монистической тенденціи, въ силу стремленія представлять все въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, происходитъ мысленное разложеніе человѣка на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступенъ внѣшнимъ чувствамъ—это физиологическій организмъ, тѣло; организаторъ имъ недоступенъ; онъ предполагается внутри тѣла; это—духовная личность. Въ существо видимое «интросцируется» (вкладывается) существо невидимое.

Такъ получается опредѣленное, своеобразное міровоззрѣніе—анимизмъ. Въ немъ природа является взгляду человѣка однородно-двойственной; всякій предметъ выступаетъ какъ нераздѣльное сочетаніе двухъ элементовъ, и отношеніе этихъ элементовъ такого же, какъ отношеніе элементовъ авторитарной группы. Здѣсь лежитъ исходная точка всѣхъ дуалистическихъ представленій о мірѣ.

Въ чемъ же заключается основное, первоначальное различіе обоихъ началъ? Да именно въ томъ, что одно изъ нихъ вполне опредѣляется другимъ въ своихъ проявленіяхъ, тогда какъ другое ни отъ чего въ такой зависимости не находится. Дѣйствія исполнителя вполне зависятъ отъ воли организатора и эту связь постоянно можно наблюдать; но чѣмъ опредѣляется воля организатора, этого видѣть нельзя. Предвидѣть дѣйствія исполнителя вполне возможно, разъ извѣстна воля организатора; но какъ продугадать ее? Вообще говоря, это просто невозможно, и особенно невозможно для рядового исполнителя, у котораго психика несравненно болѣе груба и несложна чѣмъ психика организатора, такъ что мотивовъ этого послѣдняго первый совершенно не способенъ представить себѣ сколько-нибудь полно. Мышленіе людей должно приспособиться къ такому различію, и оно приспособляется. Тѣлесное начало выступаетъ какъ инертное, *извнѣ обусловленное* въ своихъ измѣненіяхъ; духовное—какъ безусловное извнѣ, какъ *свободное*. Представленіе о «свободной» волѣ ничего иного не выражаетъ, какъ то, что проявленій этой воли нельзя предвидѣть, и что нѣтъ даже стремленія найти ихъ условія. Въ отвлеченной формулировкѣ идея «свободной воли» является сравнительно поздно, но, какъ *форма мышленія*, она зарождается вмѣстѣ съ анимизмомъ.

Анимизмъ заключаетъ въ себѣ первые зародыши причиннаго познанія: причиной явленія оказывается скрывающаяся за нимъ духовная сущность. Но на этомъ сознаніе и останавливается, цѣпь причинности обрывается на второмъ звенѣ и нѣтъ потребности идти дальше: духовная причина «свободна», т. е. не нуждается въ дальнѣйшихъ причинахъ. Впрочемъ это относится только къ первичнымъ, простѣйшимъ авторитарнымъ формамъ; по мѣрѣ ихъ развитія и усложненія, какъ увидимъ въ послѣдующемъ дѣло измѣняется.

Анимизмъ служить исходной точкой развитія не только для причиннаго познанія, но также для телеологическаго мировоззрѣнія. «Свободное» начало дѣйствуетъ сообразно своимъ *цѣлямъ*, какъ сообразно своимъ цѣлямъ организаторъ направляетъ ра-

боту исполнителей. И здѣсь на раннихъ стадіяхъ авторитарной жизни мышленіе неспособно идти дальше первой цѣли — непосредственной цѣли даннаго правленія духовной сущности; только впослѣдствіи, съ усложненіемъ авторитарныхъ формъ, усложняется въ свою очередь и цѣль «конечныхъ причинъ» или цѣлей.

Чисто анимистическое мировоззрѣніе представляетъ такой же идеальный случай, такую же абстракцію, какъ чисто авторитарное общество. Въ дѣйствительномъ мировоззрѣніи того или иного общества, соціальной группы, личности, анимизмъ является однимъ изъ элементовъ, при опредѣленныхъ условіяхъ — преобладающимъ, при иныхъ — менѣе значительнымъ. Переплетаясь съ другими элементами, онъ соединяется съ ними въ опредѣленное жизненное цѣлое, иногда болѣе, иногда менѣе гармоничное.

VI.

Здѣсь мы принуждены сдѣлать небольшое отклоненіе въ сторону. Изложенные нами взгляды на происхожденіе анимизма не сходятся съ наиболѣе распространенными теоріями по этому вопросу, и необходимо выяснить, почему мы не считаемъ возможнымъ удовлетвориться старыми воззрѣніями.

Большинство историковъ культуры склонны объяснять возникновеніе анимизма причинами не соціального, а болѣе общаго психологическаго характера. Дѣло представляютъ приблизительно такъ. Послѣ уничтоженія той или иной вещи, послѣ смерти животнаго или человѣка, у другихъ людей въ психикѣ сохраняется еще нѣкоторое время *образъ* исчезнувашаго предмета. Этотъ образъ у первобытнаго человѣка характеризуется особенной яркостью, живостью, гораздо большею, чѣмъ у современныхъ людей, такъ что мало отличается отъ непосредственнаго воспріятія, отъ «реальности»; а въ сновидѣніяхъ онъ выступаетъ уже какъ нѣчто вполне реальное. Такъ создается убѣжденіе, что предметъ, который исчезъ или разрушился въ

дѣйствительности уничтожился не вполне, что отъ него что то остается, и это что-то вполне ему подобно. Къ этому присоединяются наблюденія надъ спящимъ человѣкомъ, надъ находящимся въ обморокѣ, надъ трупомъ: организмъ въ этихъ случаяхъ, повидимому, сохраняетъ свою реальность, но въ немъ какъ будто чего-то не хватаетъ, — не обнаруживается дѣятельныхъ проявленій жизни. Въ сновидѣніяхъ человѣкъ нерѣдко посѣщаетъ различныя мѣста, весьма удаленные отъ того, гдѣ находится его тѣло: тѣло лежитъ на мѣстѣ, а между тѣмъ человѣкъ странствуетъ и наблюдаетъ. Итакъ, въ человѣкѣ есть нѣчто невидимое, способное сохраняться послѣ гибели тѣла и временно покидаетъ его при жизни; отъ этого «чего-то» зависятъ всѣ наиболѣе сложныя проявленія жизни. Это невидимое жизненное начало и есть то, что анимистъ называетъ «душою».

Намъ нѣтъ надобности совершенно отвергать это объясненіе источниковъ анимизма: оно можетъ правильно указывать тотъ психическій *матеріалъ*, который послужилъ, по крайней мѣрѣ отчасти, для построенія анимистическихъ взглядовъ; но остается вопросъ, почему изъ матеріала возникла форма мышленія, являющаяся *основной и всеобщей* на извѣстной ступени развитія. Прежде всего, мы знаемъ, что весь указанный рядъ наблюденій играетъ сравнительно неважную роль въ борьбѣ людей за ихъ существованіе; очевидно, слѣдуетъ еще выяснитъ почему именно онъ легъ въ основу всего міровоззрѣнія анимистовъ. Затѣмъ, извѣстно, что на самыхъ раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія, у самыхъ низкостоящихъ племенъ анимизма еще нѣтъ, представленіе о духовномъ началѣ совершенно отсутствуетъ; между тѣмъ имѣется налицо весь психическій матеріалъ, которымъ старая теорія стремится объяснить происхожденіе анимизма;—возникаетъ вопросъ, почему же этотъ матеріалъ приобретаетъ такое особенное значеніе именно на слѣдующихъ стадіяхъ развитія, а не раньше. Далѣе исторія показываетъ, что существуетъ какая-то особенная связь между анимистическимъ дуализмомъ и авторитарными общественными формами; онъ повсюду сопровождаетъ организациі этого типа—

патріархальныя, феодальныя, рабовладѣльческія, деспотическія; его опорой въ современномъ обществѣ являются также авторитарныя элементы—прежде всего моногамная семья, затѣмъ аристократія и бюрократія, духовная, гражданская и военная; онъ начинаетъ отступать лишь тамъ, гдѣ авторитарныя формы и авторитарныя классы разлагаются и приходятъ въ упадокъ, гдѣ имъ на смѣну приходятъ новыя группы и организаціи. Спрашивается, что можетъ лежать въ основѣ такой постоянной связи. Наконецъ, сравнивая отношеніе духа и тѣла, не трудно видѣть, что оно во всѣхъ основныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ общественному отношенію организатора и исполнителя; слѣдуетъ выяснить, въ чемъ заключаются причины такого совпаденія.

На всѣ эти вопросы можно дать опредѣленный и удовлетворительный отвѣтъ, по нашему мнѣнію, только съ той точки зрѣнія, которая принята нами: надо признать, что общественныя формы мышленія суть приспособленія къ формамъ труда, и потому опредѣляются трудовыми отношеніями; тогда станетъ понятно, что при авторитарныхъ отношеніяхъ труда анимизмъ неизбеженъ, какъ наиболѣе имъ соотвѣтствующій складъ мышленія.

Рихардъ Авенариусъ далъ самую стройную и законченную философскую картину развитія дуализма духа и тѣла. Сущность его «ученія объ интроекціи» заключается въ слѣдующемъ. Человѣкъ непосредственно наблюдаетъ другихъ людей только какъ физическіе тѣла, которыя перемѣщаются, издають звуки и т. д. Но они не могутъ оставаться для него *только* физическими тѣлами: объяснять и предвидѣть ихъ движеніе для него возможно лишь тогда, какъ онъ въ своемъ мышленіи присоединяетъ къ этимъ движеніямъ различныя мысли, чувства, стремленія, подобныя тѣмъ, которыя самъ онъ непосредственно переживаетъ. Человѣкъ предполагаетъ, что другіе люди думаютъ чувствуютъ, стремятся; непосредственно убѣдиться въ вѣрности этой гипотезы нельзя—нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать чужихъ переживаній;—но она вполнѣ оправдывается на

опытѣ, такъ какъ многое объясняетъ, и не наталкивается ни на какія противорѣчія.

Но гипотеза осложняется тѣмъ, что переживанія другого человека *помѣщаются внутри его тѣла*, владыкуются (интроецируются) въ его организмъ. Это уже гипотеза излишняя, и даже порождающая массу противорѣчій. Авенаріусъ систематически отмѣчаетъ эти противорѣчія, развертывая послѣдовательный рядъ историческихъ моментовъ въ развитіи дуализма, и затѣмъ философскаго идеализма;—но здѣсь намъ нѣтъ надобности слѣдовать за Авенаріусомъ *). Важно то, что интроекція выступаетъ какъ *объясненіе* дуализма духа и тѣла.

И здѣсь возникаетъ вопросъ: гдѣ же тѣ силы, которыя вызвали интроекцію? Если интроекція есть логическая ошибка, то что сдѣлало эту ошибку всеобщей и необходимой для цѣлаго обширнаго періода жизни человѣчества? Схема логическаго развитія интроекціи не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Надо указать въ жизни человѣчества глубокія *практическія* основы интроекціи, надо выяснить общія *объективныя* условія, приспособленіемъ къ которымъ она является. Это именно можетъ дать наше воззрѣніе. Актъ интроекціи оно должно объяснить такъ. При авторитарныхъ отношеніяхъ труда организаторъ и исполнитель являются какъ *два отдѣльныхъ реальныхъ лица*. Когда съ той же точки зрѣнія соответственно сложившемуся типу мышленія разсматривается индивидуальныя дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ отдѣльнаго организатора, то организаторъ этотъ *создается* творческой дѣятельностью воображенія. Для сознанія он является реальнымъ, но невидимымъ; а невидимый на этихъ ступеняхъ культуры означаетъ — спрятанный, потому, что представленія о невидимомъ вслѣдствіе безтѣлесности—изъ первобытнаго опыта не можетъ возникнуть. Такимъ образомъ невидимый организаторъ необходимо интроецируется, помѣщается внутри исполнителя. Самъ Авенаріусъ

*) Въ этой системѣ развитія дуализма находятъ себѣ мѣсто, какъ одинъ изъ моментовъ, и тѣ идеи о происхожденіи анимизма, которыя мы только что разобрали и нашли недостаточными.

очень правильно указываетъ, что первоначально интроспированный «духъ» ничѣмъ не отличается отъ тѣла, что это—простое удвоеніе человека; и для насъ это удвоеніе объясняется тѣмъ, что человѣкъ представляется и какъ организаторъ, и какъ исполнитель, при чемъ того и другого въ своемъ общественномъ опытѣ люди привыкли воспринимать, какъ отдѣльных, конкретныхъ лицъ.

Анимизмъ есть цѣлая система мировоззрѣнія, охватывающая въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ всю сферу общественнаго опыта, налагающая отпечатокъ на всю психическую жизнь людей. Генезисъ такой системы нельзя свести ни къ частной жизненно не важной группѣ психологическихъ фактовъ, ни къ грандіозной логической ошибкѣ. Но если мы будемъ помнить, что познаніе социально, что оно есть обобществленный опытъ, то мы станемъ искать базиса такой всеобщей, но преходящей формы познанія, какъ анимизмъ, въ основныхъ, но исторически-измѣняющихся отношеніяхъ социальной борьбы людей за ихъ существованіе. Тогда объективный дуализмъ общества объяснитъ намъ субъективный дуализмъ личности.

VII.

Мы рассмотрѣли одну изъ формъ мышленія, порождаемыхъ авторитарными отношеніями, форму наиболѣе общую—дуалистическій фетишизмъ познанія. Переходимъ теперь къ другой, имѣющей болѣе частное значеніе, но также очень важной въ идеологическомъ развитіи.

Основу жизни сознанія составляетъ качественное и затѣмъ количественное различеніе элементовъ опыта. На самыхъ раннихъ ступеняхъ своей психической жизни человѣкъ отличаетъ пріятное отъ непріятнаго, свѣтлое отъ темнаго, красное отъ зеленаго, высокій тонъ отъ низкаго, и т. д.; онъ отличаетъ также болѣе пріятное отъ менѣе пріятнаго, болѣе сильный свѣтъ отъ менѣе сильнаго, болѣе яркую окраску отъ менѣе

яркой и т. д. Но впоследствии выступает еще новый вид различія: человекъ начинаетъ признавать, что одни люди являются качественно высшими, другіе—качественно низшими существами, напр., господа и рабы; такъ же разграничиваетъ онъ въ своей оцѣнкѣ и различныя проявленія жизни отдѣльнаго человека, напр., считая духъ по существу выше тѣла, добрыя дѣянія выше безразличныхъ. Тутъ дѣло идетъ не о количественномъ различіи большаго и меньшаго—даже и миллионъ тѣлъ не составитъ одного духа,—и не о простомъ качественномъ различіи, какъ различіе краснаго и зеленаго—такое различіе выражается словомъ «иначе», а не словами «выше» и «ниже». Дѣло идетъ о новомъ, своеобразномъ отношеніи психики къ различнымъ фактамъ опыта. Откуда оно возникло?

По мѣрѣ того, какъ организаторская дѣятельность все болѣе обособляется отъ исполнительской, по мѣрѣ того, какъ первая все болѣе сосредоточивается въ рукахъ отдѣльных лицъ или опредѣленныхъ группъ общества,—въ сознаніи людей между той и другою образуется настоящая пропасть, все болѣе широкая и глубокая. Исполнитель не можетъ стать организаторомъ, и не можетъ представить себѣ психику организатора со всей ея сложностью и активностью; организаторъ можетъ сдѣлать все, что исполнитель, и знаетъ психику его, какъ болѣе простую и слабую. Изъ слабости и подчиненія одного, изъ господства и силы другого возникаетъ преклоненіе со стороны перваго и презрѣніе со стороны втораго. Такъ зарождается фетишизмъ высшаго по существу *).

Фетишизмъ этотъ предполагаетъ уже довольно развитыя авторитарныя отношенія; мы не найдемъ его тамъ, гдѣ отношенія эти еще не слишкомъ рѣзко выражены, гдѣ они не успѣли упрочиться и окаменѣть въ кастовыхъ различіяхъ между людьми. Въ старой родовой группѣ патріархъ еще слишкомъ близко

*) Слово «фетишизмъ» мы употребляемъ вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда предметамъ приписываются особенныя свойства, связанные съ мистическими настроеніями людей.

стоитъ къ остальнымъ ея членамъ, находится въ слишкомъ близкомъ общеніи съ ними, слишкомъ мало отличается отъ нихъ по привычкамъ и мышленію, чтобы превратиться для нихъ въ высшее существо. Напротивъ, въ рабовладѣльческой группѣ отношенія господъ и рабовъ, въ феодальной—синьоровъ и ихъ крестьянъ, въ азіатскихъ деспотіяхъ—монарховъ и ихъ подданныхъ представляются тѣмъ и другимъ, какъ отношенія существъ высшихъ къ низшимъ. Родовой аристократизмъ вообще насквозь проникнутъ такого рода фетишизаціей отношеній между людьми.

Аналогичная психологія выступаетъ также въ аристократизмѣ умственномъ и артистическомъ. Отношенія идеолога къ массѣ вообще являются, какъ мы видѣли, отчасти авторитарными; всего яснѣе это въ отношеніяхъ-идеолога-вождя къ его политическимъ послѣдователямъ; но также идеологъ-мыслитель или идеологъ-художникъ суть идейные организаторы различныхъ группъ общества, которымъ они даютъ единство мысли и настроенія. И здѣсь обыкновенно организаторъ настолько превосходитъ остальныхъ силою мысли и творчества, что они неспособны представить себѣ его психику, и смотря на него, какъ на качественно высшее существо; а ему ихъ несложная, чуждая тонкостей психика можетъ казаться качественно низшею.

Въ дуалистическомъ міровоззрѣніи духовное начало есть именно организующее. Естественно, поѣтому, что оно же становится и качественно высшимъ по сравненію съ началомъ пассивнымъ, «исполнительскимъ»—тѣлеснымъ. Чѣмъ дальше развивается такой дуализмъ, тѣмъ глубже дѣлается пропасть между обѣими сторонами природы, тѣмъ рѣзче фетишизмъ высшаго—низшаго во взглядахъ людей на духъ и тѣло.

VIII.

Въ неразрывной связи съ фетишизмомъ высшаго—низшаго находится другая особенность авторитарнаго мышленія, именно противоположеніе таинственнаго и обыденнаго.

Для первобытной психики въ природѣ нѣтъ ничего таинственнаго; есть очень много неизвѣстнаго, очень много неожиданнаго, но это еще не «таинственное»; такая идея можетъ образоваться лишь на болѣе высокой ступени развитія. Путешественники не разъ отмѣчали такой, на первый взглядъ, загадочный фактъ, какъ отсутствіе у низко-стоящихъ дикарей чувства удивленія; неизвѣстное, новое, если оно не кажется важнымъ или опаснымъ, не вызываетъ въ нихъ никакой замѣтной эмоціи, въ противномъ случаѣ—возбуждаетъ тревогу, страхъ, но и только. Все для нихъ «естественно», потому что для идеи сверхъестественнаго еще нѣтъ предпосылокъ въ ихъ мысленіи.

Таинственное, по основному значенію этого слова, есть не просто неизвѣстное или непонятное, но *скрытое* отъ людей, именно отъ людей съ обыкновеннымъ разумомъ, это то, что для нихъ непонятно, недоступно для ихъ слабаго познанія,—но что доступно и понятно для иного, высшаго интеллекта. Всякая «тайна» предполагаетъ большинство, которое ее не знаетъ, и не многихъ, которые ее знаютъ; все «таинственное» предполагаетъ обыденные умы, которые не могутъ познать его, и умы особенные, высшіе, которые познать могутъ. Безъ этого можетъ существовать только неизвѣстное, или непонятное, но не таинственное, съ его мистической окраской.

Итакъ, идея таинственнаго мыслима только въ связи съ идеей высшаго и низшаго разума. Откуда же берется эта послѣдняя? Отвѣтъ на это легко почерпнуть изъ предыдущаго.

По мѣрѣ обособленія дѣятельности организатора и дѣятельности исполнителя, психики того и другого становятся, какъ мы видѣли, все болѣе несходными между собою, причемъ одна выступаетъ, какъ «высшая», другая—какъ «низшая». Все, что доступно уму исполнителя, доступно уму также организатора; но многое, что доступно для послѣдняго, недоступно для перваго. Чѣмъ рѣзче обособляются обѣ группы общества, чѣмъ глубже становится пропасть между обоими типами психики, чѣмъ обширнѣе дѣлается область, къ которой нѣтъ пути для

непривилегированного ума,—тѣмъ естественнѣе и неизбѣжнѣе складывается въ мышленіи людей антитеза таинственного и обыденнаго. Таинственное—это познавательная привилегія, это объектъ высшаго познанія.

Развитію идеи таинственного повсюду въ наибольшей степени способствовали жрецы. И это вполне понятно. Въ древнія эпохи жрецы были, обыкновенно, дѣйствительными организаторами производства, особенно тѣхъ его областей, которыя требовали широкаго объединенія рабочихъ силъ общества; жрецы, напр., занимались регулированіемъ рѣкъ въ странахъ великихъ рѣчныхъ цивилизацій, какъ въ Египтѣ, Месопотаміи; они же указывали время для выполненія тѣхъ или иныхъ полевыхъ работъ, руководили, большею частью, такими коллективными предпріятіями, какъ прорытіе каналовъ, устройство дорогъ и т. под. Во всѣхъ этихъ случаяхъ жрецы пользовались сложившимися въ ихъ средѣ спеціальными познаніями—по астрономіи, метеорологіи, инженерному дѣлу, архитектурѣ и т. д. Эти познанія были совершенно недоступны широкимъ массамъ, людямъ исполнительскаго труда; очень естественно, что жрецы въ собственныхъ интересахъ все болѣе закутывали эти познанія покровомъ тайны, чтобы возвысить и упрочить свое положеніе. Различные синонимы «таинственного» указываютъ на связь этой идеи съ ролью жрецовъ въ обществѣ: «магическое» (маги—халдейскіе жрецы), «мистическое» (мистеріи), и т. под. Идея таинственного повсюду развивалась приблизительно въ той же мѣрѣ, въ какой обособлялась и возвышалась каста жрецовъ.

Вообще, тамъ, гдѣ познаніе становится орудіемъ господства, а невѣжество условіемъ подчиненія, тамъ выступаетъ на сцену и усиленно культивируется идея таинственного. Такова историческая основа развитія всякой мистики, какъ бы ни отклонялось оно затѣмъ отъ исходной точки въ своихъ отдѣльных, частныхъ проявленіяхъ.

IX.

Раньше мы отмѣтили глубокій консерватизмъ, свойственный авторитарнымъ отношеніямъ и въ сферѣ производства, и въ сферѣ идеологии. Консерватизмъ этотъ вытекаетъ, какъ мы видѣли, изъ громаднаго возрастанія сложности и трудности организаторской роли при всякомъ измѣненіи общественно-трудовой техники; такимъ образомъ, техника неизбѣжно оказывается консервативною и, въ свою очередь, обуславливаетъ консервативную идеологию. Соотвѣтственно формамъ общественного бытія складываются формы сознанія людей: консерватизму жизни соотвѣтствуетъ статика мышленія.

Когда въ жизненной практикѣ дѣйствія людей постоянно направляются къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, по однимъ и тѣмъ же путямъ, когда всякое измѣненіе этихъ цѣлей и путей ощущается, какъ нѣчто болѣзненное, тогда мышленіе неизбѣжно стремится къ устойчивымъ, неизмѣннымъ формамъ, создаетъ для явленій возможно болѣе прочныя и неподвижныя рамки; эти рамки—статическія понятія. Природа сводится къ безчисленному множеству отдѣльныхъ «вещей», изъ которыхъ каждая сама по себѣ неподвижна и неизмѣнна, и отдѣлена отъ другихъ рѣзкими, неизмѣнными границами. Камень есть камень; онъ всегда останется камнемъ, и совершенно обособленъ отъ всего, что не есть этотъ камень. Идея непрерывности, идея процесса, идея развитія совершенно чужда такому типу мышленія. Всякое движеніе, всякое измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ выступаетъ, какъ нѣкоторое насиліе, какъ проявленіе «свободной» воли, т. е. силы, дѣйствующей внѣ условій и законности,—силы, которая есть воплощеніе неожиданности. Въ основѣ всякаго движенія и даже всякой связи вещей во всѣхъ древнѣйшихъ мифологіяхъ выступаетъ какой-нибудь творческій актъ—необусловленный и немотивированный, актъ высшаго произвола. Допуская такіе акты, какъ послѣднее объясненіе, статическое мышленіе этимъ

способомъ *мирится* съ фактомъ движенія и послѣдующаго взаимодействія вещей; но *ищетъ* оно всегда неподвижнаго и обособленнаго, только имъ удовлетворяется, и постоянно создаетъ его въ своихъ представленіяхъ и понятіяхъ. Это достигается тѣмъ легче, что сравнительно мало развитое познаніе не улавливаетъ ни постепенныхъ, медленныхъ процессовъ измѣненіи внѣшнихъ переходовъ и оттънковъ, связывающихъ разнородное. Статическое познаніе стремится къ *абсолютнымъ* понятіямъ, консервативнымъ и выражающимъ консервативное въ жизни; абсолютное—это то, что существуетъ само по себѣ, и что постоянно равно себѣ—это безусловное и неизмѣнное.

Такою является въ статическомъ пониманіи всякая вещь, взятая въ отдѣльности, и всякая сила, порождающая движеніе вещей; но наиболѣе свойственна эта черта понятіямъ высшимъ широко объединяющимъ опытъ, и потому какъ бы концентрирующимъ въ себѣ особенности даннаго психическаго типа. Таковы при авторитарномъ мышленіи, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, именно высшія религіозныя понятія.

Статическое мышленіе простирается далеко за предѣлы авторитарныхъ формъ жизни, но съ ними оно связано всего тѣснѣе, въ нихъ находитъ оно самую прочную опору. Оно такъ тѣсно срастается съ ними, что все, враждебное статикѣ, встрѣчаетъ обыкновенно самую жестокую оппозицію со стороны авторитарныхъ классовъ. Стоитъ только вспомнить ту ненависть, которую феодалы и клерикалы питаютъ еще въ наше время къ идеѣ развитія, а раньше питали къ идеѣ движенія земли. Анаэмы противъ Дарвина, судьба Джіордано Бруно и Галилея выражаютъ одну и ту же тенденцію авторитарныхъ элементовъ—тенденцію къ защитѣ статики, опоры всякаго консерватизма.

Х.

Въ наше время тѣ черты мышленія, которыя мы обозначили именемъ фетишизма и статики, принято считать заблужденіемъ

человѣческаго ума. Однако, на протяженіи ряда вѣковъ чело-
вѣчество жило этими заблужденіями, и они были для него исти-
ной, самую безспорною истиной. Что же это значить? Какъ
могло это быть?

Было бы очень неправильно, забравшись на высоту истины,
добытой развитіемъ культуры, ограничиться простымъ презрѣ-
ніемъ къ ошибочнымъ взглядамъ людей прошлаго. Во 1-хъ,
что гарантируетъ насъ въ томъ, что наши истины не испы-
таютъ такой же судьбы — не станутъ заблужденіями въ гла-
захъ людей будущаго? и во 2-хъ, достаточно ли отвергнуть
заблужденія, и не слѣдуетъ ли, кромѣ того, понять и объяснить
ихъ жизненную необходимость?

На оба вопроса наша точка зрѣнія даетъ опредѣленный и
ясный отвѣтъ. Познаніе есть одинъ изъ процессовъ приспосо-
бленія въ общественно-трудоу борбѣ людей, а истина есть
вырабатываемая этимъ процессомъ форма приспособленія, наи-
болѣе цѣлесообразная, развивающаяся, жизненная. Какъ всякое
приспособленіе, истина опредѣляется суммою условій, среди ко-
торыхъ возникаетъ, и она есть истина постольку, поскольку
она есть дѣйствительное приспособленіе къ этимъ условіямъ. Въ
жизненныхъ отношеніяхъ далекаго будущаго наша нынѣшняя
истина будетъ «заблужденіемъ», потому что она не будетъ тогда
наиболѣе подходящимъ приспособленіемъ; и такъ же случилось
въ наши времена съ истиной прошлаго.

Фетишизмъ и статика являются, дѣйствительно, наиболѣе
приспособленными формами познанія при авторитарныхъ отно-
шеніяхъ.

Прежде всего, очевидно, что при консервативныхъ формахъ
жизни статическое міропониманіе представляетъ собою вполне
достаточное, и при томъ наилучшее приспособленіе. Идея непо-
движной, обособленной «вещи» гораздо менѣе сложна, чѣмъ
идея измѣняющагося и связнаго; поэтому первая и вырабаты-
вается гораздо легче, и для своего сохраненія въ психикѣ тре-
буетъ гораздо меньшихъ затратъ энергіи; и тамъ, гдѣ она не
сталкивается со сколько-нибудь значительными противорѣчіями

со стороны жизненной практики, тамъ она неминуемо должна оказываться наиболѣе приспособленною. Именно такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ консервативно организованныхъ обществахъ, гдѣ жизнь постоянно воспроизводитъ однѣ и тѣ же формы, гдѣ поколѣнія за поколѣніемъ переживаютъ все одни и тѣ же стереотипные ряды впечатлѣній, гдѣ если и встрѣчаются замѣтныя измѣненія въ ходѣ жизни, то они выступаютъ обыкновенно въ видѣ разрушительнаго дѣйствія внѣшнихъ силъ (война, голодъ, морь), а не въ видѣ непрерывнаго прогресса, приносящаго все больше жизни и власти надъ природою. Статика при авторитарныхъ отношеніяхъ есть необходимое приспособленіе къ ихъ стихійному консерватизму.

Дуализмъ свободнаго духа и инертнаго тѣла является также наилучшимъ приспособленіемъ при тѣхъ условіяхъ познанія, какіе даются авторитарнымъ міромъ. Именно, даются два ряда явленій: одни—исполнительскія дѣйствія, а также многіе привычные факты внѣшней природы—человѣкъ *можетъ предвидѣть* по ихъ связи съ другими, другія—дѣйствія организаторскія, а также необычные процессы внѣшней природы — человекъ не только не можетъ предвидѣть со сколько-нибудь значительною достовѣрностію, но не можетъ даже и надѣяться достигнуть такого ихъ познанія. Соединить и связать въ психикѣ эти два разнороднѣйшихъ ряда съ наименьшимъ противорѣчіемъ, съ наибольшею, слѣдовательно, экономіей въ затратахъ энергіи, способенъ именно дуалистическій фетишизмъ, для котораго двойственность является въ то же время всеобщою однородностію, а свобода духа служить необходимымъ дополненіемъ къ инертности матеріи.

Категоріи высшаго и низшаго, а также таинственнаго и обыденнаго имѣютъ, въ общемъ, такое же значеніе,—значеніе формъ, наиболѣе примиряющихъ противорѣчіе разнородныхъ рядовъ опыта путемъ ихъ объединенія въ однородной двойственности. Но, кромѣ того, фетишизмъ, связанный съ этими категоріями, представляетъ важное условіе прочности и устойчивости самихъ авторитарныхъ отношеній: чѣмъ въ большей

мѣръ организующія группы общества окружаются въ глазахъ массы ореоломъ «высшаго» и «таинственнаго», тѣмъ надежнѣе и неприступнѣе ихъ положеніе, тѣмъ болѣе гарантированы онѣ отъ всякаго движенія въ обществѣ, способнаго подорвать ихъ общественное значеніе, ихъ организаторскую роль. Вотъ почему со стороны этихъ группъ общества замѣчается иногда даже прямое, сознательное стремленіе развивать такой фетишизмъ въ остальныхъ группахъ.

Статика и фетишизмъ также исторически жизненны, а потому и такъ же исторически истинны при соответствующихъ имъ социальнымъ отношеніямъ, какъ эволюціонно-монистическое міровоззрѣніе при отношеніяхъ современныхъ. Старыя формы мышленія становятся заблужденіемъ и ложью тогда, когда возникаютъ новыя отношенія, новыя общественныя тенденціи, къ которымъ эти формы не приспособлены.

XI.

Теперь мы нѣсколько остановимся на тѣхъ конкретныхъ формахъ, которыя принимало въ процессѣ развитія авторитарное мышленіе. Мы начнемъ съ простѣйшихъ, исторически наиболѣе раннихъ его проявленій.

• Патріархальныя родовыя общины были той почвой, на которой впервые сложились самыя основы авторитарнаго мышленія. Всѣ отмѣченные нами его элементы уже выступаютъ здѣсь въ своихъ первыхъ, пока еще грубыхъ, неполныхъ и несовершенныхъ формахъ.

Статика въ началѣ этой фазы развитія господствуетъ болѣе безпредѣльно, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи, потому что нѣтъ никакихъ зародышей высшаго типа мышленія, — но она не представляетъ еще той законченной формы, какую мы обрисовали въ предыдущемъ. Еще далеко не вполне сложились понятія неподвижныхъ *вещей*, и міръ еще представляется человѣку по преимуществу какъ сочетаніе различныхъ *дѣйствій*; именно

таково первобытное представлѣніе о мірѣ, потому что дѣйствіе есть основной, жизненно наиболѣе важный и первоначально наиболѣе знакомый человѣку элементъ опыта. Но въ представлѣніяхъ нѣтъ никакого оттѣнка историзма или «первобытной диалектики», потому что дѣйствіе въ сознаниі первобытнаго человѣка выступаетъ вовсе не какъ развивающійся процессъ, находящійся въ связи съ другими, а какъ совершенно обособленный актъ, неизмѣнный въ своихъ повтореніяхъ; слѣдовательно, обѣ основныя черты статики—характеръ полной отдѣльности и полного консерватизма элементовъ опыта — имѣются налицо. Въ дальнѣйшемъ же, съ развитіемъ языка, складываются представленія о «вещахъ», которыя и пріобрѣтаютъ все больше значенія въ общей системѣ міропониманія. Такимъ образомъ статика принимаетъ все болѣе совершенную и законченную форму.

Вмѣстѣ съ психологіей господства и подчиненія выступаютъ на сцену всѣ формы фетишизма, изъ нея вытекающія. Такъ какъ въ родовой группѣ еще не произошло рѣзкаго кастоваго обособленія господствующихъ и подчиненныхъ, то и проявленія фетишизма представляются еще сравнительно мало развитыми; пропасть между духомъ и тѣломъ, между высшимъ и низшимъ, между таинственнымъ и обыденнымъ еще не успѣла стать настолько широкой и глубокой, чтобы явленія обоихъ міровъ не смѣшивались на каждомъ шагѣ въ грубомъ мышленіи этой эпохи. Но уже на этой стадіи изъ элементовъ фетишизма складывается та сложная система, которая называется натуральной религіей, и которая занимаетъ такое обширное и важное мѣсто въ міровоззрѣніи тогдашняго человѣка.

При глубокомъ консерватизмѣ авторитарной психологіи сила традиціи вызываетъ въ ней одно очень важное превращеніе, именно превращеніе нѣкоторыхъ умершихъ людей въ божества. Можетъ показаться страннымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы консерватизмъ и традиція способны были порождать психологическія превращенія и тѣмъ болѣе такія значительныя; въ этой мысли заключается, какъ будто, внутреннее противорѣчіе. Но оно только кажущееся.

Организаторъ хозяйства группы — положимъ, патриархъ — пользуется со стороны своихъ родичей особеннымъ уваженіемъ, вытекающимъ изъ его особенной роли въ групповой жизни; однако, благодаря близости и постоянному общенію между патриархомъ и остальными родичами, уваженіе это еще не дѣлаетъ его въ ихъ глазахъ вышшимъ и таинственнымъ существомъ; фетишистическое отношеніе къ нему еще только начинаетъ зарождаться. Но зародыши такого отношенія подвергаются въ ряду поколѣній своеобразному процессу, который можно сравнить съ накопленіемъ.

Патриархъ, какъ старшій въ родѣ, есть хранитель прошлаго опыта группы, хранитель ея исторіи. Раньше чѣмъ стать организаторомъ, онъ былъ однимъ изъ рядовыхъ членовъ группы, однимъ изъ исполнителей, и подчинялся предыдущему организатору, котораго онъ потомъ замѣнилъ. Къ этому своему предшественнику онъ, за время своего подчиненія, привыкъ, конечно, относиться съ особеннымъ уваженіемъ, привыкъ считать его выше себя. Такой взглядъ, въ силу психическаго консерватизма, онъ продолжаетъ сохранять и тогда, когда самъ сталъ во главѣ группы; и онъ не только самъ продолжаетъ сохранять этотъ взглядъ, но передаетъ его также всѣмъ остальнымъ членамъ группы, такъ что и въ ихъ глазахъ предыдущій организаторъ стоитъ выше его, пользуется болѣе значительнымъ уваженіемъ. Но и этотъ предшественникъ стоялъ въ такомъ же отношеніи къ тому организатору, мѣсто котораго занялъ, и такимъ же способомъ поставилъ этого послѣдняго въ глазахъ группы выше самого себя, и т. д. Такъ въ родовой традиціи возрастаетъ уваженіе къ прежнимъ организаторамъ тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ дальше въ глубину прошлаго отходитъ эпоха ихъ дѣятельности; и по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ изъ нихъ, о которыхъ сохранилось еще воспоминаніе, возрастающая сумма почитанія доходитъ до степени обожествленія. Предокъ фетишизируется и становится предметомъ поклоненія.

Само собою разумѣется, что обожествленный предокъ, какъ лицо умершее, является «духомъ», поскольку сложилось поня-

тіе о духѣ. Онъ «высшее» и «таинственное» существо въ наибольшей мѣрѣ, въ какой люди того времени могутъ себѣ представить; а неясность и отрывочность сохраняющихся о немъ воспоминаній окружаетъ его мистическимъ туманомъ и возбуждаетъ творческую дѣятельность фантазіи. Фантазія же дополняетъ недостающее такимъ образомъ, чтобы картина жизни обожествленнаго предка соотвѣтствовала степени его почитанія: создается шагъ за шагомъ миѳологія подвиговъ, чудесъ и т. д.

Итакъ, въ основѣ натуральной религіи лежитъ «культъ предковъ», какъ выражаются обыкновенно историки культуры: правильнѣе было бы сказать — культъ прежнихъ организаторовъ. Въ дѣйствительности дѣло здѣсь идетъ всегда именно объ организаторахъ—патріархахъ, вождяхъ,—а отнюдь не о предкахъ вообще. Рядовые члены группы не обожествляются, и души ихъ обыкновенно не пользуются настоящимъ безсмертіемъ, а умираютъ по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ воспоминаніе о нихъ.

Здѣсь не приходится разсматривать дальнѣйшаго развитія религіи. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно не только ея происхожденіе изъ авторитарнаго мышленія, но и постоянная, неразрывная связь съ нимъ на послѣдующихъ стадіяхъ развитія чело-вѣчества. Всюду, гдѣ мы встрѣтимъ религіозное міровоззрѣніе, мы найдемъ также всѣ основныя черты авторитарнаго мышленія. Статическая идея объ абсолютномъ, неизмѣнномъ всегда составляетъ центральный пунктъ такой системы; дуализмъ духа и матеріи, категоріи высшаго и низшаго, таинственнаго и обыкновеннаго постоянно проходятъ черезъ все ея содержаніе. Съ другой стороны, всюду, гдѣ авторитарныя отношенія играютъ сколько нибудь значительную роль въ жизни, идеологіи облекаются въ религіозныя формы; вся исторія древности и среднихъ вѣковъ представляетъ примѣръ этого.

Въ послѣдующія эпохи, когда авторитарныя формы шагъ за шагомъ вытѣсняются новыми отношеніями, отступаетъ на второй планъ и исчезаетъ мало-по-малу также религіозная оболочка идеологіи. Однако и тамъ она сохраняется у тѣхъ классовъ, которые, являясь сравнительно болѣе консервативными,

продолжаютъ еще въ значительной мѣрѣ жить въ авторитарныхъ формахъ; таковы въ наше время остатки феодальнаго сословія, крестьянство и отсталая часть мѣщанства съ ихъ патриархальнымъ семейнымъ строемъ. О современной моногамной семьѣ можно вообще сказать, что поскольку она сохраняетъ черты патриархальнаго рода, обломкомъ котораго является, постольку она представляетъ главный оплотъ авторитарной психологіи вообще, и религіозной формы міровоззрѣнія — въ частности.

ХП.

Усложненныя и развитыя формы авторитарныхъ отношеній порождаютъ усложненныя и развитыя формы авторитарнаго мышленія. Къ сожалѣнію, для сколько-нибудь полнаго ихъ описанія понадобилось бы слишкомъ много мѣста; и потому здѣсь мы можемъ только сжато указать на особенно характерныя черты той или иной ступени ихъ развитія.

Феодальное общество представляетъ сложно организованную авторитарную систему, и соотвѣтственно сложны его идеологическія формы. Сравнительно уже довольно развитая техника приводитъ къ познанію многихъ причинныхъ связей между явленіями, но самое пониманіе причинности остается безусловно фетишистическимъ. Философы, которые отмѣчали этотъ фетишизмъ причинности, обыкновенно описывали его такъ: для него отношеніе причины и слѣдствія, говорили они, представляется вполне аналогичнымъ отношенію между актомъ воли и движеніемъ человѣческаго тѣла; какъ импульсъ воли порождаетъ соотвѣтственное ему движеніе тѣла, такъ дѣйствующая причина вызываетъ къ жизни соотвѣтственное слѣдствіе. Мы можемъ принять такое описаніе, но должны освѣтить дѣло нѣсколько иначе: какъ мы видѣли, самое обособленіе воли и вообще души отъ тѣла отражаетъ собою отдѣленіе въ обществѣ организаторской дѣятельности отъ исполнительской; слѣдова-

тельно, въ концѣ концовъ, это послѣднее и лежитъ въ основѣ фетишизма причинности.

Религіозная оболочка міровоззрѣнія на этой стадіи достигаетъ роскошнаго развитія, причемъ религія выступаетъ, какъ основное организующее начало общественной жизни. Достаточно вспомнить роль католицизма въ средневѣковомъ мірѣ. Въ рукахъ іерархіи сосредоточивалась самая широкая организаторская дѣятельность, такая только возможна въ феодальномъ обществѣ съ его значительной раздробленностью, со сравнительно большой самостоятельностью его отдѣльныхъ частей. Всѣ отношенія между людьми находились подъ прямымъ контролемъ религіи и церкви. При помощи буллъ и епископовъ папство управляло ходомъ жизни обширныхъ общественныхъ единицъ—государствъ и ихъ федерацій; при помощи исповѣди и монаховъ оно простирало свой надзоръ на мельчайшія дѣйствія и даже помысленія каждаго человѣка въ отдѣльности. И вся эта колоссальная работа велась въ одномъ направленіи, была проникнута однимъ духомъ—тенденціей къ возможно большей прочности и устойчивости авторитарной системы и ко взаимной гармоніи безчисленныхъ отдѣльныхъ ея элементовъ. Все приносилось въ жертву стихійному консерватизму этой системы; все, что отъ него уклонялось, обрекалось на смерть. Подчиненіе, статика и фетишизмъ царили безраздѣльно.

Несравненно болѣе узка и ограниченна была организаторская дѣятельность свѣтскаго феодала; она, какъ мы видѣли, съ одной стороны не выходила за предѣлы его помѣстій, съ другой стороны—и въ этихъ предѣлахъ захватывала лишь немногія, опредѣленные области общественнаго труда, главнымъ образомъ—военное дѣло, пути сообщенія, правосудіе и т. под., вся же остальная хозяйственная дѣятельность самостоятельно велась мелкими производственными единицами—семьями подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ собственныхъ отдѣльныхъ организаторовъ.

Въ соотвѣтствіи съ относительно меньшей широтой объединяющей дѣятельности феодала сложились на ея почвѣ менѣе

глубокія, менѣе содержательныя формы фетишизма. Это, главнымъ образомъ, принципы родовзго аристократизма, идеи о высшемъ и низшемъ происхожденіи. Представленіи о благородствѣ крови кладетъ рѣзкую границу между классами господствующими и подчиненными. Не только самъ феодалъ искренно считаетъ себя высшимъ существомъ по сравненію со своими подданными, но и эти послѣдніе не менѣе искренно вѣрятъ въ это. Для феодальнаго мышленія благородство крови есть нѣчто неумовимо-тонкое, нѣчто таинственное, нѣчто такое, чего не могутъ ни замѣнить, ни уравновѣсить никакія физическія или психическія совершенства. Рыцарь обожаетъ прекрасную даму, она представляется ему сверхчеловѣчески идеальнымъ существомъ; но вдругъ оказывается, что она «темнаго происхожденія»—и все кончено: хотя она ни въ чемъ не измѣнилась, однако, тотъ же рыцарь счелъ бы теперь унижительнымъ и позорнымъ для себя бракъ съ нею. Въ чемъ дѣло? Въ томъ что она не изъ *организаторскаго* класса.

Любопытно, что степень благородства измѣряется у феодала числомъ предковъ, т. е. продолжительностью того періода, въ теченіе котораго данный родъ принадлежитъ къ организующей группѣ общества. Феодалъ съ тридцатью предками признаетъ другого феодала, имѣющаго всего десять предковъ, за существо сравнительно низшее, менѣе благородное; и этотъ, въ свою очередь, относится съ безсознательнымъ благоговѣніемъ къ представителю болѣе древняго рода. Такъ реальная организаторская роль чловѣка въ обществѣ фетишизируется все больше съ каждымъ поколѣніемъ. Основатель рода, возвысившійся изъ темныхъ людей до посвященія въ рыцари, есть организаторъ только фактически, и его уважаютъ только за его личныя свойства, выступающія въ его дѣятельности; а его отдаленный потомокъ является въ глазахъ общества надѣленнымъ какою-то особенною организаторскою сущностью, которая возвышаетъ его надъ всѣми, хотя бы она не выражалась ни въ какихъ особенныхъ дѣйствіяхъ.

Восточная деспотія, какъ мы знаемъ, отличается отъ фео-

дальной системы болѣе глубокимъ развитіемъ авторитарныхъ отношеній и высокою централизаціей организаторской дѣятельности. Естественно, что при такихъ условіяхъ фетишизмъ высшаго положенія въ обществѣ принимаетъ еще болѣе грубыя формы; здѣсь онъ нерѣдко доходитъ до прямого обожествленія деспота, какъ это можно видѣть на примѣрѣ древнихъ египетскихъ фараоновъ, современныхъ китайскихъ богдыхановъ и т. под.

Современные остатки авторитарной системы — различныя формы бюрократіи — связаны также съ извѣстными элементами авторитарнаго фетишизма. Достаточно указать на психологію стараго чиновника, на тѣ почтительно-благоговѣйныя чувства, съ которыми онъ относится къ высшимъ чинамъ, на то поистинѣ, мистическое настроеніе, которое охватываетъ его, когда онъ достигъ высшаго сана, положимъ генеральскаго званія, — тутъ ему кажется, что въ немъ самомъ произошла какая-то переменна, что въ него вселилась какая-то новая сущность, измѣняющая всѣ его отношенія къ внѣшнему міру. Такъ мистически воспринимается простое расширеніе сферы организаторской дѣятельности.

Но кромѣ такихъ частныхъ оттѣнковъ фетишизма, во всѣхъ авторитарныхъ формахъ, и старыхъ, и новыхъ, мы найдемъ болѣе важныя общія черты мышленія: глубокую склонность къ статикѣ, познавательному дуализму и религіозному міропониманію. Авторитарныя группы и организациі всюду неизмѣнно являются опорю этихъ формъ общественнаго сознанія.

XIII.

Переходимъ къ измѣненнымъ трудовымъ отношеніямъ, заключающимъ въ себѣ, кромѣ авторитарныхъ элементовъ, еще иные.

Въ классическомъ рабствѣ, гдѣ и работникъ-исполнитель, и продуктъ его труда одинаково принимаютъ характеръ товара,

гдѣ между рабовладѣльческими группами существуютъ анархическія (мѣновыя) отношенія, мы уже отмѣтили крайнюю рѣзкость формъ господства и подчиненія. Соотвѣтственно этому, въ идеологіяхъ эпохи чрезвычайно рѣзко выражены всѣ оттѣнки дуализма — противоположеніе духа и тѣла, высшаго и низшаго, таинственнаго и обыденнаго. Но въ то же время элементы анархической системы отношеній налагаютъ на эти идеологіи свой особый отпечатокъ и въ большей или меньшей степени измѣняютъ ихъ.

Прежде всего, анархическія отношенія вносятъ въ общественную жизнь цѣлый рядъ внутреннихъ противорѣчій, порождаютъ цѣлый рядъ проявленій борьбы. Борьба покупателя и продавца, конкуренція между покупателями и между продавцами, взаимная неприспособленность людей при этихъ столкновеніяхъ не позволяютъ психикѣ людей такъ безусловно застыть въ консерватизмѣ, какъ это происходитъ при чисто авторитарномъ строеніи общества. Поэтому, хотя статика и является господствующею чертою мышленія, но рядомъ съ нею выступаютъ, въ различныхъ случаяхъ въ различной степени, нѣкоторые элементы историзма. Такъ, напр., греческой философіи, которая резюмируетъ въ себѣ мировоззрѣніе наиболѣе развитой рабовладѣльческой націи, далеко не чужды понятія «процесса» и даже «развитія», и особенно понятіе о всеобщей связи и непрерывности явленій. Идеи Гераклита о потокѣ бытія, о непрерывномъ измѣненіи всего въ природѣ представляютъ, правда, лишь единичный фактъ въ исторіи греческой мысли, но даже такая статическая, глубоко проникнутая представленіемъ объ абсолютномъ, философія, какъ платоновская, не лишена, напр., идеи совершенствованія формъ. У элеатовъ статичное представленіе о неизмѣнности дѣйствительнаго бытія соединяются съ глубоко противорѣчащей статикѣ идей всеобщаго единства, и т. п.

Что касается дуалистическихъ идей, то онѣ господствуютъ въ рабовладѣльческихъ обществахъ безраздѣльно. Вліяніе анархическихъ отношеній сказывалось только въ значительной отвлеченности этихъ идей — стремленіе къ абстрактнымъ формамъ мышленія, какъ увидимъ, свойственно вообще анархическому

строению общества. Стоит сравнить, напр., феодально-католическое представление о душѣ, въ которомъ она является грубо матеріальною, способною къ физическимъ страданіямъ, съ представленіемъ Платона о душѣ, какъ чистой идеѣ. Даже не въ философскихъ, а въ чисто религіозныхъ представленіяхъ греховъ душа выступаетъ, какъ сравнительно очень отвлеченное отъ реальности, блѣдное, призрачное существо, одаренное не настоящею жизнью, а только тѣнью жизни.

Было бы очень интересно прослѣдить измѣняющіеся оттѣнки религіознаго и философскаго мышленія древняго міра въ зависимости отъ различныхъ культурно-историческихъ условій, которыя ихъ порождаютъ,—но само собой разумѣется, что здѣсь мы не можемъ сдѣлать этого.

Гораздо больше уклоненій отъ авторитарнаго мышленія представляютъ тѣ идеологіи, которыя возникаютъ на почвѣ капиталистической системы. Здѣсь, прежде всего, статика вообще отступаетъ передъ историзмомъ, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ дальше идетъ развитіе противорѣчій труда и капитала. Жизнь, полная борьбы и стремленія, полная причудливо переплетающихся и разнообразно обусловливающихъ одна другую переменъ во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ людей, не мирится со статикой, разрываетъ рамки неизмѣннаго и безусловнаго; принципъ измѣненія и относительности дѣлаетъ все новыя завоеванія, абсолютному остается все меньше мѣста въ идеологіяхъ, хотя призракъ его, все болѣе блѣдный и безкровный, еще долго тяготѣетъ надъ умами.

Что касается авторитарнаго фетишизма, то хотя онъ и сохраняется еще въ извѣстной степени, но жизнеспособность его все болѣе уменьшается. Вполнѣ исчезнуть онъ не можетъ, такъ какъ еще существуютъ порождающія его отношенія и господства и подчиненія; но своеобразный характеръ этихъ отношеній быстро его ослабляетъ.

Именно, для развитія авторитарнаго фетишизма нужно общество цѣльное, однородно-двойственное, чуждое борьбы между группами организаторской и исполнительской. Тамъ гдѣ есть

такая борьба, тамъ передъ нами, собственно, не одно уже общество, а два, съ различными жизненными условіями и различными тенденціями развитія. Каждое изъ нихъ вырабатываетъ свою идеологію, приспособляясь къ своимъ жизненнымъ отношеніямъ и стремленіямъ, и возникаетъ не одна общая идеологія, какъ въ патріархальномъ или феодальномъ обществѣ, а цѣлыхъ двѣ, во многомъ противоположныхъ другъ другу. При этомъ, само собой разумѣется, разрушается та нераздѣльность представленій объ организаторскомъ и исполнительскомъ началѣ, которая даетъ такую прочность авторитарному дуализму; а фетишизмъ высшаго и таинственнаго также исчезаетъ, потому что онъ былъ бы совершенно негоднымъ приспособленіемъ къ борьбѣ исполнительскихъ группъ общества противъ организаторскихъ, т. е. противъ именно тѣхъ, съ которыми этотъ фетишизмъ, связывается, общественную роль которыхъ онъ дѣлаетъ недоступною и неприкосновенною.

При этомъ совершенно понятно, что въ группахъ господствующихъ, стремленія которыхъ по самому ихъ положенію болѣе консервативны, элементы статики и фетишизма удерживаются гораздо прочнѣе, чѣмъ въ группахъ подчиненныхъ. Нерѣдко первыя вполне сознательно, имѣя въ виду свои прямые интересы, поддерживаютъ въ обществѣ авторитарныя формы мышленія, которыя обезпечиваютъ сохраненіе общественнаго строя, желательнаго и выгоднаго для этихъ группъ.

Отношенія между идеологами и массами представляютъ наиболѣе измѣненную изъ авторитарныхъ формъ.

Они характеризуются, какъ мы знаемъ, *добровольнымъ* подчиненіемъ, границы котораго опредѣляются желаніемъ самого подчиняющагося; въ нихъ, кромѣ того, наблюдается въ болѣе или меньшей степени элементы *взаимности* въ организаторской и исполнительской дѣятельности: массы не только слѣдуютъ за идеологомъ, но онъ также предъявляютъ къ его дѣятельности извѣстныя требованія, которымъ она должна удовлетворять,—слѣдовательно, въ свою очередь опредѣляютъ ее своею волей, въ извѣстныхъ предѣлахъ «организуютъ» ее.

Выясняя психологию этихъ отношеній, мы наталкиваемся на одно обстоятельство, которымъ дѣло сильно затрудняется. Идеологія создается жизнью опредѣленнаго класса, и есть приспособленіе къ его внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ. И психологія массы, и психологія выразителя ея духовной жизни—идеолога, зависитъ, слѣдовательно, всего больше отъ основныхъ условій этой классовой жизни, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній класса. Что же касается отношенія между идеологами и массою, то оно является производнымъ, а не основнымъ въ классовой жизни, и не можетъ имѣть преобладающаго вліянія на психологию той и другой стороны: вліяніе основныхъ отношеній гораздо сильнѣе. Поэтому въ психологіи взаимныхъ отношеній идеологовъ и массы трудно въ отдѣльности установить, что именно обусловлено этими идеологическими отношеніями, и что—иными, экономическими, техническими. Можно, во всякомъ случаѣ, отмѣтить нѣкоторые общіе оттѣнки авторитарнаго мышленія, связанные съ идеологическимъ «подчиненіемъ».

Въ эпоху борьбы новаго класса за общественную силу, консерватизмъ и статика, обыкновенно, мало свойственны его идеологіи; это вполне понятно: дѣло идетъ какъ разъ, объ измѣненіи существующаго, и потому не могутъ быть вполне цѣлесообразными и приспособленными формы мышленія, насквозь проникнутыя духомъ неподвижности, идеей неизмѣннаго; какіе-нибудь элементы развитія должны найтись въ борющейся идеологіи. Но разъ побѣда достигнута, всякая идеологія стремится застыть въ сложившихся формахъ, и на мѣсто «критики» выступаетъ «догматизмъ»: идейные организаторы, подобно организаторамъ экономическимъ, стараются облегчить свою трудную дѣятельность посредствомъ рутины и традиции. Элементы статистики выступаютъ гораздо сильнѣе и рѣзче. Такъ, въ идеологіи современной буржуазіи, стремящейся удержать свое господство, статическія идеи занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ идеологіи молодой буржуазіи XVIII вѣка, боровшейся противъ феодализма. Религіозные реформаторы XVI вѣка, начинавшіе

съ идей свободы и терпимости, идей враждебныхъ статикѣ, тѣсно связанныхъ съ идеей развитія, направленныхъ къ устраненію препятствій на пути идейнаго прогресса, эти реформаторы кончали въ случаѣ побѣды догматизмомъ и нетерпимостью, жгли на кострахъ своихъ «еретиковъ».

Различные оттѣнки дуализма и фетишизма также въ довольно сильной степени свойственны авторитарно-идеологическимъ отношеніямъ. Укажемъ, прежде всего, на громадную роль авторитета въ дѣятельности профессиональныхъ идеологовъ: всякому извѣстно, какъ часто въ идейной борьбѣ противопоставляются критикѣ и аргументамъ простыя ссылки на мнѣніе того или иного прославленнаго мыслителя; и въ наибольшей мѣрѣ это свойственно именно застывающимъ или реакціоннымъ идеологіямъ *).

Фетишизмъ высшаго и таинственнаго сказывается особенно сильно въ представленіяхъ о талантѣ и гениі. ореолъ величія и загадочности, окутывающій психическую жизнь этихъ избранныхъ существъ, находитъ свое объясненіе въ томъ, что талантъ и гениі являются организаторами идейной жизни, гениі — въ особенности. Что означаетъ, напр., выраженіе «глава школы»,

*) Интересно, что и въ сферѣ идеологической жизни совершается тотъ своеобразный процессъ, который лежитъ въ основѣ «культъ предковъ»; и здѣсь уваженіе къ авторитету, какъ бы накопляется по мѣрѣ удаленія въ область прошлаго.

Великіе мыслители, великіе поэты, великіе художники прошлаго въ непрерывной смѣнѣ поколѣній вырастаютъ въ глазахъ людей въ какія-то титаническія фигуры, и всякая попытка сравнивать съ ними великихъ идейныхъ организаторовъ настоящаго кажется странной, почти нелѣпой. Конечно, здѣсь дѣло не доходить до настоящаго обожествленія идеологическихъ вождей прошлаго: имена ихъ стали точно сохраняться въ памяти людей лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, когда вмѣстѣ съ новыми, не-авторитарными отношеніями стала развиваться и критика, не допускающая чрезмѣрнаго поклоненія. Впрочемъ, по отношенію къ религіознымъ реформаторамъ наблюдалось и прямое обожествленіе послѣ ряда поколѣній, въ которыхъ развивались и упрочивались ихъ идеи (примѣръ—Будда).

какъ не тотъ фактъ, что данное лицо оказалось организаторомъ опредѣленнаго идеологическаго теченія? На почвѣ идейнаго подчиненія возникаетъ нерѣдко даже своеобразный культъ гения. Самый яркій примѣръ такого культа представляютъ идеи Карлейля о герояхъ, какъ единственныхъ двигателяхъ прогресса; но слегка мистическое отношеніе къ тому или иному великому уму найдется въ наше время даже у наиболѣе критически настроенныхъ людей.

Наконецъ, дуализмъ «духа и матеріи» также до нѣкоторой степени находитъ себѣ почву въ идеологическомъ подчиненіи. Дуализмъ этотъ обнаруживается хотя бы въ обычномъ употребленіи терминовъ:—«духовная и матеріальная жизнь общества»— вмѣсто—«идеологія и экономика». Дѣло въ томъ, что экономическая жизнь общества настолько же принадлежитъ къ сферѣ психики, насколько идеологическая; однако, первой приписывается характеръ грубой матеріальности, второй — характеръ чистой духовности, и между ними создается рѣзкая граница, которой для современнаго научнаго мышленія не существуетъ.

Во всякомъ случаѣ, психологія отношеній между идеологами и массами заключаетъ въ себѣ, кромѣ авторитарныхъ, еще иные элементы, высшаго типа, которые въ однихъ случаяхъ развиты меньше, въ другихъ больше, но въ наиболѣе прогрессивныхъ классахъ могутъ выступать даже на первый планъ, отнимая почву у всякой статистики и всякаго фетишизма.

XIV.

До сихъ поръ исторія не знаетъ такого общества, въ которомъ не было бы элементовъ авторитарнаго строя. Но на извѣстной ступени развитія элементы эти перестаютъ играть преобладающую роль въ жизни общества, и на первый планъ выступаютъ иные формы. Таковы, прежде всего, анархическія трудовыя отношенія.

Анархическія отношенія характеризуются тѣмъ, что отдѣльныя лица или группы самостоятельно другъ отъ друга выпол-

няютъ свою общественно-трудовую дѣятельность, такъ что производство въ цѣломъ неорганизовано; нѣтъ единой воли, которая бы его контролировала и направляла; только въ процессѣ обмена обнаруживается взаимная зависимость производителей, только стихійная сила рынка съ его колебаніями цѣнъ регулируетъ общественный трудъ, дѣлая поочередно выгодными и невыгодными тѣ или иныя его отрасли. Отдѣльный производитель долженъ приспособляться къ требованіямъ этой стихійной силы, иначе ему угрожаетъ гибель; онъ долженъ производить то, на что имѣется спросъ, и не заходить дальше этого спроса, въ противномъ случаѣ разореніе лишитъ его возможности производить вообще.

Но стихійныя силы, замѣняющіе собой сознательную дѣятельность общаго организатора, никогда не говорятъ такимъ яснымъ и понятнымъ языкомъ, какъ организаторъ-человѣкъ. Рынокъ полонъ неожиданностей и опасностей для производителя; во всякое время производитель можетъ потерпѣть крушеніе, несмотря ни на какія свои усилія, помимо всякой своей вины: достаточно, чтобы другіе производители доставили на рынокъ слишкомъ много такого же товара, какой онъ производитъ, и онъ можетъ не найти сбыта; тогда онъ разорится, или по крайней мѣрѣ получитъ за свои товары слишкомъ дешево, т. е. испытаетъ большія страданія вслѣдствіе недостаточнаго удовлетворенія своихъ потребностей.

Такъ изъ неорганизованности труда возникаетъ масса жизненныхъ противорѣчій, а они порождаютъ ожесточенную борьбу между производителями. Антагонизмъ между продавцомъ и покупателемъ, конкуренція между продавцами или между покупателями — таковы постоянныя внѣшнія проявленія взаимной неприспособленности людей въ процессѣ труда. На дальнѣйшихъ стадіяхъ сюда присоединяется суровая борьба классовъ, начало которой лежитъ въ антагонизмѣ покупателя и продавца рабочей силы на рынкѣ труда.

Тамъ, гдѣ неорганизованность общества ведетъ къ его внутренней неприспособленности, возникаетъ потребность въ *орга-*

низирующих приспособленійхъ. Анархическая общественная система создастъ массу такихъ приспособленій. Вмѣсто организующей личности, которая регулируетъ и контролируетъ трудовыя отношенія членовъ общества, выступаютъ безличныя *идеологическія формы*, которыя имѣютъ вполне аналогичное значеніе. Таковы особенно формы нормативныя—обычай, право, нравственность.

Въ обществѣ, построенномъ на борьбѣ, всякая общественная связь стала бы невозможною, если бы для борьбы этой не были поставлены опредѣленные рамки и если бы рядомъ съ нею не были установлены отношенія, ей противоположныя—отношенія сотрудничества. Между продавцомъ и покупателемъ идетъ борьба, но если бы борьба эта могла безпрепятственно развертываться и обостряться и обычаемъ не были бы созданы обязательныя формы мирныхъ сношеній между сторонами, то дѣло неминуемо свелось бы ко взаимному грабежу или истребленію вмѣсто обмѣна. Конкуренція и классовая борьба превратилась бы точно также въ постоянную кровопролитную войну, если бы ихъ проявленія не регулировались правовымъ и нравственнымъ сознаніемъ членовъ общества. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вступаетъ на сцену обычная, правовая или нравственная норма, ея роль сводится къ тому, чтобы *организовать* отношенія между людьми, т. е. взаимно приспособить ихъ, ослабить или устранить жизненныя противорѣчія между ними и создать возможно большее единство и гармонію.

Само собою разумѣется, что организующія приспособленія, какъ и всякія другія, не всегда достигаютъ своей цѣли, не всегда уменьшаютъ взаимную дисгармонію неорганизованныхъ воедино элементовъ общества;—мы слишкомъ хорошо знаемъ по опыту, что нерѣдко достигаются и противоположные результаты, что, напримѣръ, устарѣлыя нормы права часто являются сами источникомъ величайшей неприспособленности для общества, величайшихъ страданій для его членовъ. Но изъ этого слѣдуетъ только одно,—что организующія приспособленія, какъ и всякія другія, имѣютъ лишь относительное, а не безусловное

значеніе, что, сложившись при опредѣленныхъ условіяхъ, за ихъ предѣлами они легко могутъ оказаться неудовлетворительны, и тогда они порождаютъ не повышение суммы жизни а ея пониженіе; это продолжается до тѣхъ поръ, пока тѣмъ или инымъ путемъ приспособленія эти не разрушатся или не измѣнятся въ соотвѣтствіи съ новыми обстоятельствами. Чтобы понять жизненный смыслъ того или иного приспособленія, надо разсматривать его въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя его создали.

XV.

Анархическій типъ отношеній ни въ какомъ извѣстномъ намъ обществѣ не вытѣсняетъ окончательно типа авторитарнаго. Въ мелко-буржуазномъ обществѣ каждое отдѣльное хозяйство ведется семьей, которая сама по себѣ организована авторитарно, подъ властью отца или вообще старшаго члена семьи. Въ обществѣ капиталистическомъ авторитарная семья въ значительной мѣрѣ подвергается разложенію, но все же отчасти сохраняется; и кромѣ того возникаетъ условное подчиненіе, относящееся, какъ мы знаемъ, къ измѣненнымъ авторитарнымъ формамъ. Въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, но раздѣленіе роли организаторской и исполнительской продолжаетъ оставаться.

Объясняется этотъ фактъ, повидимому, тѣмъ, что анархическія отношенія по своему типу не безусловно выше авторитарныхъ: хотя первыя гораздо прогрессивнѣе, но имъ не хватаетъ организованности, внутренняго единства, какимъ отличаются вторыя. Поэтому первыя не могутъ біологически замѣнить вторыхъ вполне и безъ остатка.

Такъ или иначе, но вмѣстѣ со старою формой сотрудничества долженъ былъ сохраниться и старый типъ мышленія; и онъ долженъ былъ наложить свой отпечатокъ на міровоззрѣніе анархически-организованнаго общества. Въ особенности сильно долженъ былъ сказаться этотъ отпечатокъ на тѣхъ *организующихъ приспособленіяхъ*, которыя выполняютъ въ анархическомъ

обществѣ роль, аналогичную роль прежняго авторитарнаго организатора. Безличныя нормы обычая, права, нравственности *по-нимаются авторитарно*, выступаютъ въ общественномъ сознаніи со всѣми характерными чертами авторитарнаго мышленія.

Прежде всего—надъ этими идеологическими формами консерватизмъ и статика господствуютъ всецѣло. Врядъ ли надо доказывать, что обычай есть область консерватизма по преимуществу: въ исторіяхъ культуры постоянно отмѣчается та величайшая устойчивость, можно сказать—окаменѣлость, которая свойственна старымъ обычаямъ, и то громадное сопротивленіе, которое они оказываютъ проникновенію въ жизнь общества новыхъ, противорѣчащихъ имъ элементовъ.

Въ меньшей степени, но то же самое относится и къ явленіямъ права; пока правовая норма существуетъ, она представляется общественному сознанію, какъ нѣчто неизмѣнное и абсолютное; если фактически силы развитія и приводятъ къ ея измѣненіямъ, то въ ея идеѣ элемента измѣненія совершенно нѣтъ. Всякая сложившаяся система права является могущественнымъ консервативнымъ факторомъ въ жизни общества; кристаллизованная изъ прошлаго, она постоянно стремится втиснуть въ его неизмѣнныя рамки и настоящее, и будущее; она дѣлаетъ преступленіе изъ всякаго жизненнаго факта, который въ эти рамки не укладывается. Стоитъ вспомнить желѣзную систему римскаго права съ ея несокрушимыми опредѣленіями, систему, которая насквозь проникнута идеей неподвижности, идеей абсолютнаго совершенства ея логическихъ, сухихъ и холодныхъ формулъ. Объ идеѣ развитія тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Что касается до формъ нравственности, то онѣ по своему консерватизму приближаются къ формамъ обычая, и еще въ большей степени, чѣмъ правовыя, чужды всякаго намека на идею развитія. Рѣзко статическій, абсолютный характеръ нравственнаго сознанія всего ярче сказывается въ томъ фактѣ, что, несмотря на возрастающее знакомство между народами самыхъ

различныхъ типовъ и ступеней развитія, съ самыми различными проявленіями нравственной жизни, до сихъ поръ громадное большинство людей, даже самыхъ культурныхъ націй, считаетъ нравственные законы неизмѣнными въ ихъ основахъ и всеобщими по ихъ значенію. Въ мірѣ нравственныхъ идей абсолютное находитъ послѣднюю, но и самую прочную свою опору: нравственность, отбросившая представленіе объ абсолютномъ и опирающаяся исключительно на идею развитія, въ сущности вовсе не соотвѣтствуютъ понятію нравственности; это—явленіе совсѣмъ иного, совершенно новаго типа. Идущій до конца своей логикѣ эволюціонистъ неизбѣжно долженъ быть аморалистомъ, но, конечно, не въ смыслъ злодѣйства, подлости, грубаго эгоизма, а въ смыслъ отрицанія морали вообще, какъ статической, консервативной формы.

Всѣ оттѣнки авторитетнаго фетишизма также не трудно обнаружить въ разсматриваемыхъ нами организующихъ приспособленіяхъ. Во-первыхъ, всѣ они выступаютъ въ мышленіи людей, какъ самостоятельное, дѣйствующее начало, которому люди подчиняются, какъ подчинились бы человѣку организатору: «обычай не допускаетъ», «законъ повелѣваетъ», «нравственность требуетъ»—эти выраженія не представляютъ изъ себя простыхъ сравненій, съ ними связывается идея какой-то внѣшней силы, существующей независимо отъ людей и управляющей ихъ дѣйствіями; нормы *объективируются*, получаютъ самостоятельную жизнь, какъ будто реальные организаторы человѣческихъ дѣйствій. При этомъ всѣмъ организующимъ приспособленіямъ свойствененъ характеръ особенной «духовности»—всѣ онѣ относятся къ сферѣ такъ называемой духовной культуры, которая противоплагается матеріальной культурѣ—посредственной борьбѣ людей съ внѣшней природой. Всѣ они представляются общественному сознанію, какъ нѣчто высшее сравнительно съ другими проявленіями жизни, особенно такими, которыя имъ противоположны: требованія обычая, права, нравственности стоятъ выше всякихъ личныхъ, выше даже общественныхъ интересовъ, всякое нарушеніе этихъ требованій ста-

вить человѣка ниже остального общества, и унижаетъ даже общество. Далѣе, нормативныя приспособленія, въ различной мѣрѣ, окружены обыкновенно ореоломъ таинственности: ихъ происхожденіе относятъ къ высшему разуму, сущность ихъ признается недоступной пониманію и критикѣ разума обыкновеннаго; всякая попытка снять съ нихъ мистическій покровъ объявляется дѣломъ бессмысленно-дерзкимъ и преступнымъ. Это въ наибольшей мѣрѣ относится къ формамъ нравственности и обычая, какъ болѣе консервативнымъ; еще и сейчасъ можно найти «философовъ», для которыхъ попытка исторически объяснить генезисъ нравственности представляется оскорбленіемъ ея достоинства; аналогичнымъ образомъ въ древнія времена жрецы преслѣдовали людей, пытавшихся изобразить устоеніе обычая, какъ дѣло рукъ человѣческихъ. Всего меньше связывается съ правовою жизнью, вѣроятно, погому, что право—продуктъ болѣе развитыхъ и болѣе развивающихся культуръ, въ которыхъ сильнѣе вліяніе высшихъ, неавторитарныхъ элементовъ жизни. Однако, и здѣсь мистики вполне достаточно; стоитъ только вспомнить тѣснѣйшую связь римскихъ правовыхъ учреждений съ римскою религіею, или ту, еще находящую у насъ сторонниковъ, варіацію теоріи «естественнаго права», по которой основы этого права признаются лежащими внѣ эмпирическаго міра, т. е. сверхъ-естественными.

Въ обществахъ авторитарныхъ люди создавали себѣ идоловъ личнаго характера, по образцу и подобію людей-организаторовъ; въ обществахъ анархическомъ, въ которомъ все еще сильны авторитарныя элементы, создаются идолы безличныя, по образу и подобію тѣхъ общественно-стихійныхъ силъ, которыя господствуютъ надъ внутреннею жизнью этого общества. Эти идолы требуютъ такого же безусловнаго поклоненія и преданности, какъ ихъ древніе предшественники; они такъ же не допускаютъ никакихъ свободныхъ проявленій личной человѣческой воли, такъ же исключаютъ возможность какой-либо высшей инстанціи, такъ же «категорически» повелѣваютъ. Идолъ абсолютной справедливости выражаетъ притязаніе на то, чтобы

весь міръ, если понадобится, былъ принесенъ въ жертву его требованіямъ; идолъ порядка много разъ уничтожалъ своею властью благороднѣйшія проявленія общественнаго развитія; идолъ чести, личной и національной, много разъ видѣлъ у ногъ своихъ тысячи и сотни тысячъ погибшихъ человѣческихъ жизней; идолъ чистаго долга требуетъ отъ личности, чтобы она отдала для него въ случаѣ надобности лучшее въ жизни—возможность счастья для себя и для другихъ...

Въ наше время статика и фетишизмъ, воплощенные въ этихъ идолахъ, часто оказываются въ противорѣчіи съ самыми жизненными стремленіями человѣчества; но не такова ихъ первоначальная роль. Они возникли, какъ общественныя приспособленія, и на раннихъ стадіяхъ жизни анархически-организованнаго общества были полезны для его сохраненія и развитія. И здѣсь статика являлась условіемъ прочности и устойчивости сложившихся общественныхъ формъ, а фетишизмъ высшаго и таинственнаго еще болѣе увеличивалъ эту прочность и устойчивость, освящая сложившіяся формы и дѣлая ихъ неприкосновенными. Кромѣ того, дуализмъ, свойственный фетишестическимъ идеямъ, былъ познавательпо-полезенъ, позволяя съ наименьшимъ противорѣчіемъ связать разнородные ряды переживаній. Такъ напр., въ своей собственной психикѣ человѣкъ можетъ найти два рѣзко разнородныхъ ряда стремленій: одни стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ традиціонными формами общественной жизни, другія направлены къ развитію личной жизни, причемъ иногда это развитіе можетъ совершаться и за счетъ этихъ традиціонныхъ формъ. Дуализмъ создаетъ такое отношеніе между обоими рядами, что ихъ противорѣчія не разрушаютъ единства личности: одни стремленія входятъ въ систему «долга» и разсматриваются, какъ высшія, другія ставятся въ подчиненное къ нимъ положеніе, какъ низшія, и проявленія этихъ послѣднихъ подавляются повсюду, гдѣ они оказываются въ противорѣчіи съ первыми. Такимъ образомъ, внутреннее раздвоеніе остается на опредѣленной степени развитія и не усиливается до размѣровъ разрушительной внутренней

борьбы, а также не приводит къ внѣшнимъ конфликтамъ личности съ обществомъ, въ которомъ она живетъ.

XVI.

Хотя авторитарные психологическіе элементы и продолжаютъ еще сохраняться среди анархическаго общества, но во всякомъ случаѣ они уже не могутъ оставаться господствующими. Анархическія трудовыя отношенія создаютъ свои собственные формы мышленія, формы вполне своеобразныя. Изслѣдовать ихъ обстоятельно—значило бы выйти изъ рамокъ нашей темы; поэтому намъ придется намѣтить ихъ лишь въ общихъ чертахъ, насколько это необходимо, чтобы понять ихъ вліяніе на судьбу формъ авторитарныхъ.

Анархическая система производства основывается на широкой специализаціи. Производители не только работаютъ *независимо* другъ отъ друга, но и выполняютъ *различныя* работы. Общественная жизнь оказывается качественно разнородною въ своихъ проявленіяхъ, разнородною настолько, что никакихъ общихъ элементовъ въ дѣятельности различныхъ людей непосредственное наблюденіе выдѣлить не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго имѣется въ психическомъ содержаніи, напр., между работою земледѣльца и золотыхъ дѣлъ мастера, сапожника и ученаго? Только одно—общественный характеръ всѣхъ этихъ видовъ труда, общественное назначеніе ихъ продуктовъ, которые каждый трудящійся производитъ главнымъ образомъ не для себя лично, а для другихъ членовъ общества. Но этотъ общественный характеръ труда вовсе не входитъ въ сознаніе производителей, потому что его неизбежно маскируютъ, дѣлаютъ недоступнымъ для взгляда производителей проявленія *борьбы* между людьми, вытекающія изъ неорганизованности общественнаго процесса: психологія борьбы не даетъ мѣста пониманію союзныхъ отношеній между людьми въ борьбѣ съ природой. Слѣдовательно, весь матеріалъ для познанія, который дается системой производства, оказывается такимъ, что въ немъ нѣтъ

непосредственно видимыхъ элементовъ единства, что въ немъ нечего *обобщать*. По крайней мѣрѣ, таковъ этотъ матеріалъ для обыденнаго, массоваго сознанія, а вѣдь въ немъ, собственно, и складываются общественные типы мышленія.

Но познаніе въ своемъ развитіи необходимо стремится къ организаціи своего матеріала, къ объединенію всѣхъ своихъ данныхъ, и это объединеніе совершается путемъ обобщенія. Явленія необходимо группируются въ ряды и подводятся подъ понятія; понятія образуютъ новые ряды, которые организуются при помощи новыхъ, болѣе общихъ понятій, и т. д.; процессъ этотъ даетъ психикѣ организованность, безъ которой немыслима жизненная устойчивость психики, ея способность гармонически реагировать на воздѣйствіе внѣшней среды.

Итакъ, въ какой же формѣ можетъ быть объединена и обобщена при анархическихъ отношеніяхъ вся та область опыта, которую представляетъ производство, общественный трудъ? Такъ какъ въ различныхъ проявленіяхъ этого труда мышленіе на данной стадіи не можетъ найти всеобщихъ элементовъ, то очевидно, что окончательное объединеніе этой области опыта возможно только въ *безсодержательномъ* обобщеніи. Именно такова идея «общественности», какою она является для психики, развившейся среди анархической системы. Основное содержаніе общественности—сотрудничество людей въ борьбѣ съ внѣшнею природой—не находитъ себѣ мѣста въ сознаніи товаропроизводителя, для него общественность есть просто связь между людьми,—т. е. общественность и ничего больше. У товарнаго идеолога мы никогда не найдемъ такого пониманія «общества», въ которомъ оно выступило бы, какъ система сотрудничества; взаимнѣ того, мы обыкновенно встрѣтимъ указаніе на «психическое общеніе», объединяющее людей, или на общія нормы, ихъ связывающія,—а это, въ сущности, только тавтологическое указаніе на ту же общественную связь людей; оказывается, что общество есть общество и ничего больше *).

*) Рядомъ съ такими, можно встрѣтить менѣе безсодержатель-

Какъ мы указывали, всякая сложившаяся форма мышленія стремится стать всеобщей, такова «монистическая тенденція» въ развитіи познанія. Такимъ образомъ, познающая психика, привыкая къ основной сферѣ опыта—въ области производства—объединять ряды явленій въ безсодержательныя понятія, неизбѣжно переносить эту привычку и на все остальное содержаніе опыта: безсодержательное понятіе становится всеобщей организующею формой мышленія.

Такое явленіе и выступаетъ съ полною опредѣленностью и очевидностью въ идеологіяхъ анархически-организованныхъ классовъ—въ мѣщанской и буржуазной.

Въ сферѣ экономическихъ сношеній здѣсь всецѣло господствуетъ понятіе мѣновой цѣнности. Его содержаніе для товаропроизводителя опредѣляется такимъ образомъ: мѣновая цѣнность товара есть то, что за него даютъ; а это, въ сущности, то же самое, какъ если бы сказать: цѣнность товара есть его цѣнность. Дѣйствительное содержаніе цѣнности составляетъ, какъ извѣстно, общественно-полезный трудъ, кристаллизованный въ товаръ, но содержаніе это ускользаетъ отъ сознанія производителя, такъ какъ общественный характеръ труда скрывается за видимою борьбою людей, за индивидуалистическимъ направленіемъ ихъ дѣйствій и стремленій. Остается пустая форма цѣнности, которою вполне удовлетворяется товарное мышленіе.

Въ нравственной жизни мѣнового общества всѣ оцѣнки

ныя опредѣленія общественности; въ однихъ ея сущностью признается связь государственная, въ другихъ—національная, и т. п. Но эти представленія отнюдь не связаны съ анархическими формами производства; это видно хотя бы изъ того, что мѣновыя сношенія, а стало быть и анархическое сотрудничество никогда не ограничивается рамками государства или національности, а постоянно идутъ все дальше, стремясь охватить все человѣчество. Смѣшеніе соціальной связи вообще со связью государственною или національною ведетъ свое начало отъ совершенно иныхъ отношеній—частью просто авторитарныхъ, частью болѣе сложныхъ—племенныхъ. Но входить въ изслѣдованіе этого вопроса здѣсь не приходится.

опираются на идѣ долга. Насколько сама по себѣ пуста и безсодержательна эта идея, выяснилось уже давно и неоднократно философскою критикой. Долгъ есть то, что человѣкъ долженъ дѣлать; другими словами: долгъ есть долгъ,—такъ опредѣляется въ концѣ концовъ содержаніе этой идеи. Ея дѣйствительное значеніе состоитъ въ томъ, что подъ нее подводятся опредѣленные отношенія между людьми, именно такія, которыя ведутъ къ наибольшей прочности и устойчивости общественнаго цѣлаго. Эта социальная сущность нравственной идеи опять-таки ускользаетъ отъ мѣщанскаго или буржуазнаго сознанія; ее маскируетъ жизненное противоположеніе отдѣльныхъ личностей, какъ самостоятельныхъ единицъ, часто сталкивающихся и борющихся между собою. Въ результатъ—какъ послѣднее обобщеніе нравственной жизни, здѣсь остается безсодержательная идея, пустота которой, однако, не вызываетъ никакого противорѣчія въ сознаніи анархически-организованныхъ обществъ или классовъ.

Въ области познанія конечная объединяющая идея есть «истина». Но для мѣщанскаго или буржуазнаго сознанія эта идея превращается въ такую же пустую абстракцію, какъ долгъ или цѣнность. Для него критерій истины есть ея общезначительность;—другими словами, истина есть то, что всѣ должны признавать, или, еще короче, истина—это истина. По своему реальному жизненному значенію истина есть одно изъ общественныхъ приспособленій—познавательное приспособленіе, которое можетъ служить надежною основой для цѣлесообразной дѣятельности; это —гармонически-обобщественный опытъ. Но для психики, воспитанной на анархическихъ формахъ труда, социальное содержаніе истины недоступно; для такой психики познаніе, какъ и трудъ, представляется процессомъ индивидуальнымъ, и процессомъ обособленнымъ въ самомъ себѣ, независимымъ отъ практики. А разъ устранено социальное содержаніе идеи истины, въ остаткѣ получается только пустая форма.

Метафизика есть по преимуществу продуктъ мѣшного общества. Ея многочисленныя пустыя абстракціи, въ родѣ сущ-

ности бытія, реальности, представляют самыя чистыя проявленія того психологическаго типа, который возникаетъ изъ анархическихъ отношеній труда. Только этому своеобразному типу свойственно находить удовлетвореніе въ такихъ безнадежно-бездержательныхъ отвлеченностяхъ.

Однако, въ психологіи мѣноваго общества можно найти не только тенденцію къ пустымъ отвлеченіямъ, но и инныя черты, менѣе отрицательнаго характера. Всего важнѣе то, что эта психологія не мирится со статикой. Статика не можетъ быть подходящимъ приспособленіемъ для анархически-организованнаго общества, съ его сравнительно быстрымъ развитіемъ, съ его прогрессивностью, вытекающею изъ его внутренней борьбы. Такимъ образомъ, идея измѣненія, идея прогресса необходимо должна все болѣе завоевывать себѣ господствующее положеніе во взглядахъ людей на жизнь и міръ: шагъ за шагомъ *историзмъ* долженъ отнимать почву у статики. Въ этомъ мышленіе анархически-организованнаго общества особенно рѣзко расходится съ мышленіемъ авторитарнымъ.

Исторія идей показываетъ, что зарожденіе историзма и перныя стадіи его развитія дѣйствительно связаны съ анархическими трудовыми отношеніями: и въ античной и въ новой европейской культурѣ историзмъ выступаетъ на сцену вѣлѣдь за обмѣномъ и прогрессируетъ, приблизительно, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ обмѣна. Феодальный міръ насквозь проникнутъ статикой; новыя, враждебныя ей идеи впервые зарождаются въ торговыхъ республикахъ Италіи въ великую эпоху Возрожденія. Капиталистическое общество, съ его громаднымъ развитіемъ анархическихъ связей, впервые даетъ историзму рѣшительный перевѣсъ надъ статикой. Но ея окончательное уничтоженіе лежитъ впереди, за предѣлами анархическихъ формъ производства.

XVII.

Какъ мы видѣли, психика въ своемъ развитіи стремится познавать все въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, по одному и тому

же типу. Поэтому, когда анархическій типъ мышленія встрѣчается съ авторитарнымъ въ одномъ и томъ же обществѣ, въ одномъ и томъ же сознаніи, между тѣмъ и другимъ неминуемо возникаетъ борьба, и казалось бы, что анархическій типъ, какъ высшій, долженъ мало-по-малу вытѣснить и замѣнить собою типъ авторитарный. Этому не могло бы помѣшать то обстоятельство, что авторитарныя отношенія продолжаютъ еще сохраняться: если бы новый типъ былъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ высшій, то онъ оказался бы достаточнымъ приспособленіемъ и для низшихъ формъ общественнаго труда; въ этихъ формахъ не нашлось бы ничего такого, что не могло бы уложиться въ его рамки. Но въ дѣйствительности этого не происходитъ, и не происходитъ именно потому, что анархическія отношенія производства и вытекающія изъ нихъ формы познанія не являются безусловно и всецѣло высшими, не даютъ всего, что имѣется въ формахъ авторитарныхъ.

Поскольку дѣло идетъ о замѣнѣ консервативныхъ отношеній прогрессивными, а статики историзмомъ, постольку новый типъ мышленія вполне способенъ замѣнить собою старый. Въ процессѣ измѣненія устойчивость формъ означаетъ такой моментъ, когда одновременно происходятъ противоположныя измѣненія, которыя равны между собою; поэтому консервативное *закмочается* въ развивающемся, какъ одинъ изъ его моментовъ. Точно также статическое представленіе о *вещахъ* вполне можетъ быть устранено историческимъ понятіемъ *процесса*, потому что воспріятіе процесса можетъ оставаться неизмѣннымъ, какъ и воспріятіе вещи; для этого только надо, чтобы различныя стороны процесса находились въ равновѣсіи между собою. Вообще, въ историзмѣ есть все, что можетъ дать статика, и еще многое помимо этого.

По отношенію къ дуализму и фетишизму дѣло обстоитъ иначе. Они вытекаютъ изъ самой формы авторитарной организаціи.

Авторитарное сотрудничество есть организованное, анархическое—неорганизованное; въ этомъ смыслѣ послѣднее отнюдь

не является жизненно-высшей формой, въ немъ. не хватаетъ очень важнаго элемента жизненной прочности и устойчивости, оно по сравненію съ первымъ дисгармонично, противорѣчиво. Анархическое мышленіе изъ дисгармоничныхъ, противорѣчивыхъ элементовъ можетъ создавать только безсодержательныя обобщенія, только пустыя абстракціи, тогда какъ мышленіе авторитарное порождаетъ понятія хотя фетишистическія, но не пустыя, а имѣющія опредѣленное содержаніе (дуализмъ духа и тѣла, антитезы высшаго и низшаго, таинственнаго и обыденнаго). *Организирующее* значеніе фетишизма таково, что пустыя абстракціи замѣнить его не могутъ. Поэтому анархическій типъ мышленія можетъ вытѣснить авторитарный лишь въ той мѣрѣ, въ какой анархическая организація труда вытѣсняетъ авторитарную. А такъ какъ идеологическія формы въ своемъ развитіи неизбѣжно отстаютъ отъ производственныхъ, которыя лежатъ въ ихъ основѣ, то авторитарное мышленіе всегда сохраняется даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ авторитарныя трудовыя отношенія.

Подрывая старыя формы общественной организаціи, анархическія трудовыя отношенія разрушаютъ одинъ за другимъ старые авторитеты, связанные съ этими формами; такой процессъ въ широкихъ размѣрахъ наблюдается въ новѣйшей исторіи,—онъ составляетъ самую яркую особенность товарно-капиталистическаго міра. Но паденіе тѣхъ или иныхъ авторитетовъ не мѣшаетъ сохраненію авторитаризма,—остается еще цѣлая масса его проявленій, мѣняются его оттѣнки, становясь все блѣднѣе; на мѣсто мелкихъ, конкретно представляемыхъ, личныхъ авторитетовъ выступаютъ широкіе, отвлеченные, безличные. Старый типъ мышленія получаетъ отъ новаго своеобразную, абстрактную окраску, но не исчезаетъ, не уничтожается; этого мѣнновое общество выполнить не въ силахъ.

ХІІІ.

Выше анархическихъ отношеній производства и познанія стоятъ синтетическія. Ихъ основная особенность заключается въ томъ, что организованность трудовыхъ отношеній достигается въ нихъ не путемъ обособленія личностей организатора и исполнителя, а напротивъ, путемъ совмѣстнаго выполненія и организаторской и исполнительской дѣятельности всею коллективностью. Каждый членъ группы является при этомъ попеременно то организаторомъ, то исполнителемъ; участвуетъ то въ обсужденіи дѣлъ и ихъ рѣшеніи, то въ осуществленіи принятыхъ рѣшеній. Такимъ образомъ, трудовая дѣятельность отдѣльныхъ лицъ оказывается въ значительной мѣрѣ однородною.

Однородность эта еще болѣе возрастаетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ синтетической формы труда. Вырабатываются общіе и однообразные способы борьбы съ внѣшней природой; производство самыхъ различныхъ продуктовъ начинаетъ выполняться при помощи однихъ и тѣхъ же основныхъ пріемовъ, только съ небольшими дополненіями и варіаціями. Такъ бываетъ при машинномъ производствѣ, особенно когда примѣняются автоматическіе механизмы; здѣсь, имѣемъ ли мы дѣло съ выдѣлкой спичекъ, или булавокъ, или патроновъ, психическая работа трудящагося, которая сводится къ управленію механизмомъ и контролю надъ его движеніями, эта психическая работа остается въ существенныхъ чертахъ сходною—измѣняются только нѣкоторыя частности. Тенденція къ такому единству методовъ производства выступаетъ вмѣстѣ съ примѣненіемъ машинъ и усиливается по мѣрѣ ихъ совершенствованія, по мѣрѣ ихъ приближенія къ идеалу автоматическаго желѣзнаго работника. Специализація продолжаетъ сохраняться въ томъ смыслѣ, что различные люди или группы продолжаютъ производить различные продукты; но она теряетъ прежнее значеніе, перестаетъ созда-

вать рѣзкія различія между людьми, суживать ихъ кругозоръ и калѣчить ихъ психику, дѣлая ее уродливо-одностороннею. Развитие новыхъ формъ создаетъ непрерывно-возрастающую возможность гармонически-цѣлостнаго существованія людей въ обществѣ.

По отношенію къ авторитарному типу трудовой организаціи типъ синтетическій является безусловно высшимъ, такъ какъ совмѣщаетъ въ себѣ прогрессивность и организованность. Точно также является онъ высшимъ, очевидно, и по сравненію съ типомъ анархическимъ. Вотъ почему синтетическія формы, можно думать, способны вполне вытѣснить и замѣнить собою отношенія обоихъ предыдущихъ типовъ. Именно, здѣсь должна, повидимому, окончиться историческая роль статики и фетишизма.

Какъ мы раньше отмѣтили, консерватизмъ не свойственъ синтетическимъ отношеніямъ, — они являются, вообще говоря, прогрессивными; при этомъ прогрессивность эта тѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе та группа, которая по данному типу организована, потому что здѣсь прогрессивность основывается на широкомъ взаимномъ общеніи человѣческихъ личностей, приблизительно одинаковыхъ по уровню культурнаго развитія, но все же представляющихъ достаточно различій по содержанію своего опыта. Такимъ образомъ, чѣмъ больше развивается, чѣмъ дальше распространяется синтетическая организація отношеній, тѣмъ меньше совмѣстимъ съ нею консерватизмъ въ общественной жизни людей. Соотвѣтственно этому, статикѣ остается все меньше мѣста въ общественномъ мышленіи. Съ развитіемъ синтетическихъ формъ продолжается тотъ процессъ ея вытѣсненія, которой начался подъ вліяніемъ анархическихъ формъ труда, и впервые становится возможнымъ полное устраненіе статики. Сотрудничество анархическое, какъ мы указывали, не можетъ послужить исходной точкой такого полного устраненія, не можетъ именно потому, что оно неспособно покончить съ авторитарными формами труда, неизбѣжно вносящими статику вмѣстѣ съ собою. Само собою разумѣется, однако, что и при господствѣ высшаго типа жизни пережитки низшихъ исчезаютъ далеко не сразу.

Устраненіе дуализма и фетишизма новыми формами познанія представляет изъ себя процессъ нѣсколько болѣе сложный.

Прежде всего, благодаря все болѣе однородному характеру трудовой дѣятельности различныхъ особей, необходимо возникаетъ тенденція познавать всѣ явленія общественной жизни, какъ однородныя, какъ не различающіяся по существу. Тенденція эта распространяется затѣмъ на всю область опыта вообще, въ силу стремленія человѣческой психики къ наибольшей гармоніи, къ стройному объединенію всего матеріала переживаній въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Такимъ образомъ, устраненіе качественныхъ различій общественной роли людей, какъ подчиняющихся и господствующихъ, приводитъ къ устраненію основнаго дуализма во всемъ міровоззрѣніи: потребность воспринимать и понимать всѣ явленія, какъ однородныя, порождаетъ соотвѣтственные приемы познанія; и возникаетъ монизмъ, какъ признаніе единства природы *по существу*. Это собственно, мало-содержательный монизмъ, скорѣе даже простое отрицаніе дуализма. Однако и такое отрицаніе имѣетъ громадное жизненное значеніе. Чтобы понять это значеніе, достаточно представить себѣ, какъ измѣняется вся сумма жизненныхъ отношеній человѣка съ разрушеніемъ категорій—по существу высшаго и низшаго, таинственнаго и обыденнаго.

Но есть въ синтетическихъ формахъ условія и для выработки болѣе содержательнаго монизма. Прежде всего, тутъ важно устраненіе прежняго типа специализаціи. При господствѣ этого прежняго типа человѣческія психики являются разнородными; одинъ человѣкъ поступаетъ совершенно не такъ, какъ при тѣхъ же условіяхъ поступитъ другой, и для каждаго изъ нихъ нѣтъ возможности сколько-нибудь точно предвидѣть дѣйствія другого. При синтетическомъ типѣ отношеній, благодаря возрастающей психической однородности людей, такое предвидѣніе становится все болѣе возможнымъ. Идея строгой *закономѣрности* этимъ путемъ распространяется на психическую жизнь людей, и дѣлается всецѣло господствующею; передъ ней окончательно ступеневывается идея свободной воли, выражающая

именно невозможность предвидѣть дѣйствія другихъ людей. Уже эта идея законмѣрности представляетъ нѣкоторое объединяющее содержаніе для синтетическаго міровоззрѣнія. Но и такое содержаніе является все еще очень незначительнымъ.

Какъ мы сказали, наибольшая однородность психическаго склада личностей достигается тогда, когда вырабатываются *общіе методы* производствъ, когда въ различныхъ областяхъ борьбы общества съ природою выступаютъ сходные приемы труда, которые только дополняются и варьируются въ различныхъ случаяхъ другими, болѣе частными приемами. Эти-то общіе методы и должны, очевидно, составить основу тѣхъ объединяющихъ идей, около которыхъ монистически организуется общественный опытъ. Можно показать, что такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности.

Машинное производство вырабатываетъ общіе методы борьбы съ природой, которые шагъ за шагомъ устраняютъ рѣзкія различія специальностей. Въ чемъ же заключаются эти общіе методы?

Въ превращеніи силъ природы изъ однихъ формъ въ другія, болѣе соответствующія цѣлямъ труда, въ такомъ превращеніи, при которомъ потери и затраты этихъ силъ были бы наименьшими. Химическое сродство и затѣмъ теплота въ паровой машинѣ превращаются въ механическую работу, механическая работа въ динамо-машинѣ въ электричество, а электричество въ угляхъ лампы въ свѣтъ, и т. д. Что же представляетъ изъ себя этотъ общій методъ, перенесенный въ познаніе, превращенный въ идею? *Принципъ превращенія энергіи изъ однихъ формъ въ другія*. Идея же сохраненія энергіи при всѣхъ этихъ ея превращеніяхъ выражаетъ основное общее условіе машиннаго производства,—именно, постоянную необходимость почерпать энергію, подлежащую превращенію, изъ какихъ-либо наличныхъ ея запасовъ. Такимъ образомъ, возникаетъ законъ сохраненія энергіи, это наиболѣе широкое обобщеніе современнаго познанія, единственное, способное лечь въ основу логическаго объединенія научныхъ методовъ. Какъ видимъ, законъ этотъ есть познавательное выраженіе объективнаго

единства методовъ трудовой дѣятельности, выступающаго въ машинномъ производствѣ *).

Есть всѣ основанія думать, что развитіе общихъ методовъ борьбы съ природой не только еще не завершилось, но находится въ самомъ началѣ, и что въ дальнѣйшемъ методы эти будутъ вырабатываться все дальше, все шире, все совершеннѣе.

Тогда, въ соотвѣтствіи съ ними, будутъ становиться все содержательнѣе и точнѣе объединяющія идеи научнаго міровоззрѣнія, ибо наука есть вообще не что иное, какъ процессъ организациі общественно-трудоваго опыта. Развивающееся *единство познавательныхъ методовъ*, эта высшая форма монизма, будетъ дѣлать человѣческое мышленіе все болѣе стройною и гармоничною системою.

Единство научныхъ методовъ окончательно устраняетъ возможность какого бы то ни была дуализма. Если мы пользуемся одними и тѣми же приемами при познаніи «матеріальныхъ» и духовныхъ явленій, если мы освѣщаемъ тѣ и другія одними и тѣми же законами, если наше мышленіе не принуждается мѣнять свои нормы и привычки при переходѣ отъ однихъ къ другимъ, то какой вообще смыслъ можетъ имѣть рѣзкое разграниченіе этихъ двухъ областей опыта? Оно падаетъ, какъ не

*) Историческая связь закона сохраненія энергіи съ машиннымъ производствомъ становится до очевидности ясною, если припомнить, какимъ путемъ и когда наука пришла къ этому закону. Энергетика развилась изъ термодинамики, изучающей отношенія между тепловыми и механическими процессами при расширеніи и сжатіи тѣлъ; Карно, великій основатель термодинамики, былъ первымъ кто ясно сформулировалъ идею превращенія тепловой энергіи въ механическую, и обратно, вычислилъ приблизительную величину механическаго эквивалента теплоты; онъ сдѣлалъ это за 10 лѣтъ до Роберта Майера, и только, благодаря исторической случайности, открытіе его пропало для современниковъ. Но самая задача термодинамики возникла изъ стремленія найти условія наибольшей работы паровыхъ машинъ; именно такъ понималъ эту задачу и самъ Карно. Такимъ образомъ, примѣненіе паровой машины создало ту атмосферу, въ которой выросла и созрѣла величайшая монистическая идея науки.

нужное усложненіе жизни, какъ пережившее себя приспособленіе.

Фетиристическія идеи качественно высшаго и низшаго исчезаютъ вслѣдъ за дуализмомъ. Въмѣсто нихъ выступаетъ научное представленіе, для котораго жизнь однородна по существу, но въ однихъ своихъ проявленіяхъ интенсивнѣе, разнообразнѣе, гармоничнѣе, въ другихъ—бѣднѣе, дисгармоничнѣе. Представленіе это отражаетъ картину дѣйствительнаго прогресса, совершающагося въ жизни общества.

Исчезаетъ также фетишизмъ таинственнаго. Для развивающагося человѣческаго ума во всей природѣ нѣтъ ничего непознаваемаго,—есть только познанное и непознанное. Неизвѣстное выступаетъ безъ всякаго ореола: это врагъ, котораго надо преодолѣть, а не тайна высшаго интеллекта, передъ которою надо преклоняться.

Мы разсмотрѣли своеобразныя формы общественнаго бытія и общественнаго сознанія, тѣ формы, въ основѣ которыхъ лежить фактъ господства и подчиненія. Мы видѣли, что изъ формъ этихъ неизбежно вытекаетъ опредѣленный типъ психологіи—типъ консервативный, дуалистическій, фетишистическій. Мы указали на историческую необходимость этого типа, на его полную цѣлесообразность при опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ. Но мы выясняли также историческую необходимость устраненія этого типа въ процессѣ общественнаго развитія, необходимость его вытѣсненія иными, высшими формами.

Такая смѣна формъ совершается далеко не безболѣзненнымъ путемъ; она протекаетъ въ видѣ жестокой борьбы, въ видѣ безчисленныхъ столкновеній между группами одного общества, личностями одной группы, между представленіями одной личности. Прогрессъ и здѣсь покупается цѣною массы страданій, разрушенія, гибели.

Борьба авторитарныхъ формъ съ высшими типами жизни выступаетъ съ особенною силой за послѣдніе вѣка исторіи человѣчества. По мѣрѣ отступленія старой психологіи передъ по-

вою, борьба эта теряет понемногу свой прежній жестокий, истребительный характеръ, но не становится менѣ интенсивно. Наше время полно ея проявленіями.

Надо уметь всюду подмѣчать эти проявленія, чтобы правильно оцѣнивать ихъ. Часто старая жизнь наряжается въ лоскуты костюма новой, чтобы дольше держаться посредствомъ такого обмана. Кто не сумѣетъ проникнуть подъ оболочку, тотъ можетъ принести вредъ своему дѣлу; это часто бываетъ въ наше время. Надо ясно представлять основныя черты отживающаго принципа, чтобы разглядѣть ихъ во всякомъ переодѣваніи и при всякомъ освѣщеніи. Особенно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ людьми, которые говорятъ намъ, что нельзя жить безъ идоловъ и фетишей, безъ абсолютнаго и непознаваемаго, надо твердо помнить, что это тѣ люди, которые стремятся быть рабами или имѣть рабовъ.